18+

Людмила Грицай

Дыхание мегаполиса

психологические детективы

Людмила Александровна Грицай
Дыхание мегаполиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51386152
ISBN 9785449832023

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Цикл детективных рассказов «Дыхание мегаполиса» рассказывает о жизни и работе следователя Дмитрия Владимирова, погружая читателей в атмосферу необъятного столичного города.Вошедшие в сборник рассказы «Закон бумеранга», «Ловец снов», «Собиратели слонов», «Затерявшаяся во мгле», «Белая волчица», «Суета сует», «Вода из колодца», «Прыжок в бездну», «Дорога в одиночество», «Серенада мегаполиса» были ранее опубликованы по отдельности.

Содержание

1.Закон бумеранга 6
Глава 1. Пропавшее манто с которого все началось 7
Глава 2. Хлопотное дело 13
Глава 3. Сгоревшая квартира 17
Глава 4. Новые обстоятельства 25
Глава 5. Весь мир театр… 29
Глава 6. Трепетная муза 38
Глава 7. Трудный день 43
Глава последняя 54
2. Ловец снов 56
Глава 1. Новый поворот 57
Глава 2. Студенческая вечеринка 61
Глава 3. Чужая родня 67
Глава 4. Университет 76
Глава 5. Мелочные люди 85
Глава 6. Новые обстоятельства 91
Глава 7. Догадки и предположения 94
Глава 8. Развязка 97
Глава 9. Нелепость ценою в жизнь 105
Глава 10. Подводя итоги 111
Послесловие 113
3. Собиратели слонов 117

Глава 1. Тревожное утро 118
Глава 2. Неожиданное дело 127
Глава 3. Тихий городок 131
Глава 4. Неудачливый повар 138
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Дыхание мегаполиса

Людмила Александровна Грицай

© Людмила Александровна Грицай, 2024

ISBN 978-5-4498-3202-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.Закон бумеранга

Эта детективная история началась с рядового происшествия в столичном театре. У чиновницы пропало дорогое манто. Следствие было поручено вести майору Дмитрию Владимирову, который оказался свидетелем цепи трагических событий.

Рассказ первый в ряду цикла «Дыхание мегаполиса», посвященного судьбам людей, с которыми каждый из нас соприкасается ежедневно. В сутолоке будней мы часто не замечаем друг друга, забывая о том, что время жизни дано всем нам, чтобы понять смысл нашего земного пути.

Глава 1. Пропавшее манто с которого все началось

– Она просто безумна. Кричит на всех. Хочется убежать, не оглядываясь.

Эти слова курсанта-практиканта, произнесенные полушепотом в коридоре, ведущем в вестибюль театра, заставили майора Владимирова в душе усмехнуться. Молод, парень, не привык к тому, как ведут себя потерпевшие, особенно если это потерпевшие женщины солидных лет и с высоким статусом.

А между тем гул от голоса пострадавшей уже был слышен в громоздком фойе. Кричала женщина каким-то баритоном с повизгиванием, свой гнев она обрушивала на низенького толстячка в деловом костюме, который как-то нелепо пытался вжаться в дорическую колонну, стоящую около огромного зеркала.

– Я вообще не понимаю, Яков Михайлович, как такое могло произойти? Вы пригласили меня в свой театр. Я пришла на премьеру. Как обычный человек разделась вместе со всеми зрителями, вышла на сцену, поздравила ваш театр от имени самого министра культуры, подарила розы, эти чудесные розы, которые выбирала именно для вас, для вашей Мельпомены, так сказать, и что, что я получила? Где мое манто?

Как я поеду домой без него? Между тем я его не на турецком рынке покупала, я его…

– Светлана Петровна, будьте так добры, – вежливо обратился к ней Владимиров, – я следователь органов внутренних дел, майор юстиции, вместе с дежурной следственно-оперативной группой мы прибыли на место происшествия. Не могли бы вы кратко рассказать нам о случившемся?

Светлана Петровна Подколесова оценивающе посмотрела на своего нового собеседника быстрым взглядом разъяренной львицы. Это была грузная высокая женщина лет пятидесяти с ярким, несколько вызывающим макияжем, слегка растрепанными коротко стриженными волосами, одетая в длинное темное платье с глубоким вырезом. Внешностью своею она производила подавляющее впечатление: угнетали ее многочисленные золотые украшения, богато нанизанные на пальцы, окутавшие шею и пронизывающие мочки ушей.

– Наконец-то, – бросила она. – Мы ожидаем вашего приезда уже 40 минут. Где вы были? Почему так поздно?

– Светлана Петровна, вызов на пульт дежурного поступил в 20 часов 57 минут, сейчас 21.20. Мы прибыли за 20 минут, – ответил Владимиров вежливо, но твердо. – Но мы теряем время. Мне сообщили, что у вас украли шубу, простите, манто. Скажите, как это произошло? У вас пропал номерок гардероба? Опишите, пожалуйста, все события с максимальной точностью.

Пострадавшая, несколько успокоившись, вновь заговорила. Говорила она твердо и четко. «А это умная женщина, волевая, с характером», – неожиданно промелькнуло в голове Владимирова.

Выяснилось, что на премьеру спектакля она прибыла в качестве официального лица. Однако по какой-то причине отказалась пройти через служебный вход и раздеться в кабинете директора (того самого Якова Михайловича, который стоял сейчас возле нее с поникшим видом). Разделась, как все остальные, в гардеробе (благо зрителей за час до спектакля было еще мало).

Номерок, полученный от сотрудницы театра, положила в свою сумочку, где он спокойно и пролежал вплоть до конца небольшого банкета, куда ее пригласил Яков Михайлович. Директор театра провожал ее до дверей, и именно с ним она обнаружила, что ее манто с вешалки исчезло. Сотрудницы гардероба – две пожилые женщины – растерянно разводили руками. Они клялись, что гардероб во время спектакля не покидали. Самого манто они даже не могли припомнить, да и Светлана Петровна не могла сказать, кому из сотрудниц она отдавала его. Если верить номерку, оно должно было висеть ровно посередине гардероба в глубине центральной вешалки.

Пока шли расспросы, Владимиров мысленно просчитал, что времени у вора было предостаточно. Подколесова появилась в театре около 5 вечера, спектакль начался в 6, покинула

она банкет почти в 9, украсть это манто можно было и с номерком (пусть и фальшивым), и без него. Надежда оставалась на камеры видеонаблюдения. К счастью, в театре они были, однако обозревали только входную дверь. В фойе камер не было. Поэтому теперь самую большую информацию можно было получить из этих видеозаписей.

Ощущая поддержку со стороны прибывших сотрудников МВД и понимая, что шумливая чиновница устала, Яков Михайлович мягко, но настойчиво стал уговаривать свою незадачливую гостью отправиться домой.

– Светлана Петровна, милая наша, – тихим говорком убаюкивал он ее, – вы поезжайте домой, время уже позднее, вы устали, а наши доблестные сотрудники милиции, простите, полиции, во всем разберутся. Камеры у нас есть, видео снимают, мы все предоставим, найдем этого вора. Все вам вернут… А вы сейчас переживаете, нервы свои не бережете… Как такое только могло произойти, да в нашем театре! Совсем народ распустился, пойти на такое хамство в храме искусства!

Владимиров отошел в сторону. Сейчас нужно было заняться просмотром записей. Этой работой должен был заниматься не он, а оперуполномоченный уголовного розыска, но сегодня с ним смог поехать курсант Петр, а он только учился азам оперативно-розыскной деятельности.

Описание самого манто у майора уже было, также он забрал у потерпевшей номерок, который ей уже не пригодит-

ся. Следовало еще заняться гардеробщицами, не исключено, что они имели отношение к этому происшествию, и также проверить сотрудников театра. Хотелось верить, что повезет найти хоть какую-то ниточку, которая выведет к вору и самой этой шубе. Потому что, если дело превратится в «висяк» (а такое вполне возможно), расплачиваться за это манто начальство может заставить чуть ли не из собственного кармана. Да и нервов помотает предостаточно.

Владимиров отчасти сожалел, что именно ему выпало сегодняшнее дежурство, провел бы вечер спокойно с семьей дома, а тут эта дама из министерства со своими заграничными мехами.

Но, поразмыслив еще пару минут, майор пришел к выводу, что ему достался в помощники довольно толковый курсант Петр, вдвоем с которым они должны справиться с первоначальной оперативно-розыскной работой, тем более что сам Владимиров в течение 12 лет служил оперуполномоченным и только уже потом стал работать следователем.

Владимиров и Петр быстро отыскали сторожа, который по совместительству отвечал за наружные камеры наблюдения, нашли нужные видеозаписи, перемотали их на пять вечера, увидели на камере в несколько размытом спектре, как Подколесова в широком белом манто с тонкой дамской сумочкой вошла в театр. Перематывать видео в ускоренном формате было нельзя, пришлось наблюдать за всеми постепенно заходившими в театр зрителями. Ничего особенного:

люди в верхней одежде, конечно, не такой шикарной, но добротной. В театр все заходили, но никто не выходил. Через 15 минут просмотра к ним вбежал еще более растерянный Яков Михайлович.

– Светлана Петровна, – выпалил он, – она вас ищет, она говорит, что ее машина, «Lexus», тоже пропала…

Это было уже слишком…

«Ну и денек. Возместить стоимость „Лексуса“ – это мне точно не по зубам», – иронично подумал про себя Владимиров.

Глава 2. Хлопотное дело

На следующее утро Дмитрий Владимиров был уже на работе. В окно его служебного кабинета, занавешенного жалюзи, светило яркое зимнее солнце. Поэтому и сам кабинет – небольшая комната в пять метров шириной, которую он занимал вместе со своим сослуживцем из оперативного отдела и давним приятелем Егором Левиным, – казался более светлым и просторным.

Но на душе у Владимирова было сумрачно. Неожиданно обрушившееся на него вчерашнее дело грозило новыми неприятностями.

Автомобиль «Lexus», пропавший так же неожиданно, как и меховое манто, уже нашли. И Владимиров читал в оперативной сводке, что данный автомобиль был подожжен и сгорел в 2 часа ночи на окраине города.

Более того, была также сожжена и загородная трехкомнатная квартира потерпевшей, находившаяся в пятидесяти километрах за МКАДом. Пожар удалось потушить достаточно быстро, сработала пожарно-охранная сигнализация, хотя внутреннее убранство квартиры все равно пострадало.

В итоге причиненный ущерб оценивался уже сотнями и сотнями тысяч рублей.

Подколесова пока не давала о себе знать, хотя майор понимал, что общаться с нею ему теперь придется долго. Вла-

димиров догадывался, какой скандал она будет готова учинить, если следствие по ее делу зайдет в тупик. Да и что скандал, теперь она подключит все свои связи, а их, как понимал майор, у нее было предостаточно. Эта женщина напоминала ему крепкого бульдога: если схватиться за что-то своими зубами, то отодрать ни за что не получится.

Но теперь следовало действовать. Действовать в рамках закона, грамотно и четко. И сначала, конечно, осмотреть место преступления.

Владимиров еще в 9 утра был с докладом у начальства и попросил включить в его следственно-оперативную группу капитана полиции Егора Левина. Курсант Петр – это, конечно, неплохо, но так как дело приобрело такой серьезный оборот, нужен был еще один опытный человек. И хотя у Егора было сейчас не менее важное задание, начальник в виду резонансности произошедшего разрешил использовать все возможности Левина.

Егор уехал вместе с Петром и несколькими экспертами на осмотр сгоревшего автомобиля. Звонок от него Владимиров ждал с минуты на минуту. Сам он уже готовился выехать на осмотр сгоревшей квартиры. Но для этого нужно было связаться с Подколесовой.

Нехотя майор снял трубку своего служебного телефона. Набрал мобильный номер чиновницы, через три гудка услышал ее зычный голос:

– Алло. А это вы? Вы все уже знаете? Вы не понимаете,

как я возмущена. Как это вообще могло случиться со мной? Да и кому это надо? Тут без наводки никак…

– Светлана Петровна, – вежливо перебил ее Владимиров, – вы сейчас где находитесь? На работе? Дома? А где? Сможете сопровождать меня? Я имею в виду, что мне необходимо осмотреть вашу загородную квартиру, которую вчера пытались поджечь.

Подколесова согласилась на то, что майор заберет ее перед выездом в город. Ее местоположение для Владимирова так и осталось загадкой. Впрочем, сейчас это было неважно. Нужно было ехать. Еще утром он попросил помочь осмотреть ему место нового преступления молодого эксперта, который, несмотря на свой возраст, успел уже завоевать себе славу неплохого специалиста. Артем был готов поехать с ним на служебной машине.

Перед самым выходом с работы по мобильному позвонил Егор Левин.

– Ну что, мы закончили, – без особого энтузиазма сообщил он, – эксперты взяли образцы. Предварительно поджог произошел в 2 часа ночи. Машину поставили с темной стороны улицы, около мусорных контейнеров. Угонщик открыл капот, залил туда бензин, осуществил поджог. Пожарные прибыли быстро. Однако машина вряд ли будет еще когда-нибудь бегать. Ей точно конец. Камер тут никаких не стоит. Опрос свидетелей результатов не дал. Во-первых, было уже поздно, во-вторых, тут темень тьмущая – никто бы

ничего не разглядел. Город называется – работают только два фонаря. Бригаду пожарных вызвали сразу, как загорелось, зарево было сильное. Да, еще. Не могу утверждать со стопроцентной уверенностью. Но, кажется, манто потерпевшей было в салоне и тоже сгорело. Эксперты нашли оплавленные пуговицы и все, что осталось. Там немного. Но, скорее всего, разыскивать эти меха уже не имеет смысла. В общем, опять втянул ты меня в дело, – заключил Левин.

Владимиров выслушал его внимательно. Он как ответственный за организацию предварительного следствия готовил документы по возбуждению сразу нескольких уголовных дел. Теперь к краже манто и автомобиля присоединилось ограбление квартиры и умышленный поджог. Выводы Егора совпадали с его внутренним пониманием этого преступления, безусловно, единого преступления, разбитого на несколько этапов. Преступления непростого. Спланированного, просчитанного. Оно было больше похоже на личную месть, чем на стремление к обогащению. Но, судя по личности Подколесовой, у нее не только могли, но должны были быть враги.

Но почему искать этих врагов и наказывать их должны они с Егором?

Глава 3. Сгоревшая квартира

Служебный автомобиль мчался по проселочной дороге. Кругом, куда хватало глаз, стояла удивительная зимняя тишина. Та, что бывает за несколько часов до заката. Деревья, покрытые инеем, чем-то походили на сказочных великанов, простиравших к солнцу свои белоснежные руки. Спокойствие и умиротворение пронизывали все вокруг.

Владимиров и его спутники ехали молча. Худой Артем, уложивший весь свой рабочий инструмент в багажник автомобиля, прижимался к окну заднего сидения. Ему явно трудно было находиться рядом со своей спутницей, которая тяжело дышала, но от беседы воздерживалась.

Сегодня в Подколесовой трудно было узнать вчерашнюю уверенную в себе диву из министерства. Она едва заметно накрасилась, оделась в какой-то красный пуховик, по всей видимости, когда-то дорогой, но сейчас несколько потрепанный от времени. Пуховик был Светлане Петровне явно мал и плохо гармонировал с крупной меховой шапкой, которую она отказывалась снимать, опасаясь сквозняков. У Владимирова желания разговаривать было еще меньше, он сидел рядом с шофером и старался думать о чем-то постороннем, хотя мысли вновь и вновь невольно возвращались к странному преступлению, которым ему приходилось заниматься.

Через несколько минут они подъехали к шлагбауму, ко-

торый преграждал путь в коттеджный поселок, где у Подколесовой была квартира. Перед тем как заехать на территорию, Владимиров подошел к охраннику, который дежурил в небольшой сторожке у входа.

– Добрый день, – майор представился и предъявил свое служебное удостоверение. В глазах охранника мелькнуло любопытство и понимание, – подскажите, пожалуйста, кто вчера вечером дежурил здесь?

– Вечером – это когда? Если до семи вечера, то мой напарник, а после семи – я. Мы дежурим по суткам. Смена в 19:00.

– Очень хорошо, – оживился Владимиров. – Скажите, меня интересует, не проезжал ли вчера здесь автомобиль «Lexus».

– Марку не помню, но вот по номеру скажу. Мы ведь автомобили по номеру запускаем. Он подъезжает, мы номер сканируем и открываем шлагбаум. Если в базе номер был, то все возможно.

Охранник углубился в небольшое устройство, стоявшее на столе.

– Да, был, даже могу точное время сказать, проезжал в 23:13. Но этот номер у нас в базе зарегистрирован. Принадлежит машина…

– Нет, не нужно, знаю, кому она принадлежит. Спасибо, вы нам очень помогли, а теперь пропустите нас на территорию. Мы едем с хозяйкой одной из квартир.

– Наверное, в ту квартиру, где был вчера пожар?

– Да, туда. Скажите еще, а когда точно приехали пожарные? И вы их вызвали?

– Нет, не я. Соседи снизу. Они в этой квартире живут постоянно. А пожарные прибыли ровно в 00:35. У меня так в системе зарегистрировано. А как эта ваша машина уехала, я не видел. У нас только сканер на въезд работает, а обратно автоматически шлагбаум открывается.

– Спасибо, понятно.

Майор сел в машину и подъехал к коттеджу, на который указала Подколесова. Все вместе они вошли в дом, поднялись на третий этаж, хозяйка открыла дверь ключами.

– Артем, посмотрите, пожалуйста, как в последнее время открывались замки, не было ли взлома? – обратился Владимиров к эксперту-криминалисту.

Его молодой коллега быстро взялся за дело. А сам майор вместе с хозяйкой зашли в помещение.

В квартире было холодно и пахло едкой гарью. Очаг возгорания находился на кухне. Она обгорела почти вся. Когда-то дорогая мебель превратилась теперь в обугленные остовы тумбочек и навесных полок. Окно было разбито.

– Это пожарные постарались, – поймав взгляд Владимирова, неохотно отозвалась Подколесова, ей, по всей видимости, было чрезвычайно неприятно смотреть на такое разорение своего жилья. – Кухня пострадала больше всего, затем коридор, а вот в комнатах лучше. Пройдемте тогда в мой кабинет, если уж вам так хочется со мной поговорить.

«А между тем эта женщина может быть выдержанной, – заметил про себя Владимиров, – о вчерашнем манто уже не вспоминает, о сгоревшей машине не говорит».

К ним незаметно подошел Артем.

– Замки не вскрывались, повреждений нет, скорее всего, были открыты либо родным ключом, либо дубликатом.

– Спасибо, – ответил Владимиров, – но я так и думал, это непростая кража, если в этой квартире кража имела место быть.

Подколесова услышала его слова, но промолчала. Оставив Артема работать на кухне, Владимиров и хозяйка прошли в комнату, которую она называла кабинетом. Комната была светлой и просторной, следов гари здесь практически не было. Дорогая помпезная мебель, книжный шкаф, большой письменный стол, компьютер, – все это производило впечатление респектабельности и высокого социального статуса хозяйки.

Владимиров обратил внимание на стену перед столом, которая вся была увешана грамотами и иными дипломами в красивых рамочках, тут же висели фотографии с процедуры вручения данных дипломов. На каждой из фотографий можно было без труда узнать саму Подколесову. Вдруг о чем-то догадавшись, Владимиров обратился к своей спутнице.

– Скажите, а у вас в кабинете в министерстве и в квартире в городе тоже есть такие стены с дипломами и фотографиями?

Подколесова отвечала утвердительно.

– Конечно же, я ведь всю жизнь работаю на ответственных должностях. Но у других и стажа-то может быть больше, но нет такого количества наград. И заметьте, все это я получала за свой труд, за то, что практически живу на работе. Если бы вы пришли в мой кабинет в министерстве, то я вам показала и дипломы о том, что я являюсь заслуженным работником культуры, и кандидатом экономических наук, и лауреатом премии в области возрождения национальных традиций, и еще…

Владимиров перестал слушать свою собеседницу. Его внимание привлекла одна деталь. Нижняя фотография рядом с очередным дипломом в рамке была снята. Да, снята, а на ее месте остались чуть более темные обои и маленький крючок, на котором, вероятно, крепилась фотография.

– А что это за фотография здесь висела, вы случайно не помните? Да, вот тут, на благодарственной грамоте для вас написано «Детский театр „Созвездие“». А вот фотографии нет. Вы ее сами не снимали?

– Да нет. Не снимала. Не снимала, потому что люблю порядок во всем. Зачем мне дырка вместо фотографии. Но я уже не помню этого диплома и самого этого театра. Знаете, забот так много… Целый день крутишься – вертишься…

Рассказ о своих заслугах неожиданно придал Подколесовой уверенности в собственных силах. Она вальяжно, не снимая пуховика и шапки, так как в кабинете было холод-

но, уселась в свое рабочее кресло, кивком приглашая Владимирова сесть на стул. Майор понял, что сейчас ему нужно успеть донести до потерпевшей важную информацию.

– Светлана Петровна, – начал он. – Преступление, которое было совершено против вас, не совсем обычно. Это не похоже на почерк преступников, которые стремятся к наживе, это больше напоминает личную месть. Поэтому злоумышленника или злоумышленников нужно искать среди вашего окружения. Послушайте, вероятнее всего, события развивались в следующей последовательности: кто-то украл из гардероба театра манто, скорее всего, для того, чтобы отвлечь ваше внимание. Затем преступник вышел на улицу и сел в ваш автомобиль. Потом он приехал сюда, пробыл тут около часа, поджег квартиру и скрылся. Доехал до города, поставил машину в безлюдное место, оставил в ней ваше манто и поджог теперь уже автомобиль. Корысти никакой не заметно. Но, может быть, в квартире у вас что-то пропало, может быть, действия преступника имели еще какую-то подоплеку?

Подколесова выслушала его с непроницаемым лицом.

– Личная месть, – усмехнулась она, – много их таких, кто готов мстить. Низкие люди. Разве всех их упомнишь. Нет, ничего у меня не пропало, если не считать этой фотографии. Убрать сама я ее не могла. Я была тут утром вместе с моим мальчиком, не пропало ничего, все проверила.

– Простите, – прервал ее Владимиров, – вы были тут с сыном?

– У меня нет сына, – холодно отрезала Подколесова. – Я свободная сильная женщина, у меня могут быть и друзья, и поклонники. Это мой коллега: толковый и исполнительный парень. Мы все осмотрели: ничего не пропало. Но если меня хотели ограбить, чтобы разозлить, а потом просто все сжечь, то этим людям не удастся причинить мне моральные страдания. Я их из-под земли достану, а вывести из себя саму Подколесову у них ни за что не получится.

– Да, Светлана Петровна, вы сильная женщина, – спокойно отметил Владимиров.

– А что, вам это нравится? Я считаю, что женщина всегда сильнее мужчины, крепче духом, хотя мужчинам нужны женщины, а женщинам мужчины. Я люблю помогать моим молодым коллегам. Например, тот парень, что привез меня сегодня сюда с утра на своей машине. Он обходителен, умен. Высокий приятный блондин, чем-то похожий на вас. У вас вот темно-русые волосы, но глаза голубые, такие же выразительные, как и у него. И он такой же, как вы, стройный, подтянутый, спортивный. Меня такие люди всегда привлекали.

Последние слова Подколесова произнесла с каким-то особенным жаром и даже с некоторой нежностью.

Владимиров посмотрел на свою спутницу с недоумением. Порыв внезапного женского кокетства со стороны этой далеко не молодой чиновницы его удивил. И, стремясь побыстрее закончить разговор, который стал приобретать какой-то неожиданный оттенок, он добавил:

– И все-таки, Светлана Петровна, вы подумайте, мне кажется, что преступник вам знаком. Иначе нам придется очень долго перебирать все ваше окружение, а это много разных людей, да и часть из них вовсе не стоит тревожить ввиду их особенного положения.

Подколесова ответила ему несколько небрежным кивком. В это время в кабинет заглянул Артем и заявил о том, что он закончил свою работу. Владимиров, в душе обрадовавшийся, что они уже могут ехать обратно, стал собираться. Подколесова встала и направилась к выходу из своей квартиры.

Глава 4. Новые обстоятельства

Бессонница и мысли о работе – что может быть неприятнее ночью! А днем все это превращается в головную боль и ощущение незатихающей внутренней разбитости. Но работать было нужно. И непросто работать напоказ. Дело это чем-то привлекало Владимирова. Он чувствовал, что перед ним необычный преступник и далеко не рядовое преступление. И чем-то все это было связано с театром, который стал не просто местом преступления, но и местом начала какого-то жизненного сюжета, который майору нужно было распутать, чтобы докопаться до истины.

Но также было важно раздобыть побольше информации о самой Подколесовой, которая, по всей видимости, была знакома с теми людьми, которые совершили или заказали данное преступление.

Поэтому Владимиров попросил Егора Левина разузнать как можно больше информации о Подколесовой в министерстве. Он знал, кому поручить такую работу. Егор слыл балагуром и обаятельным холостяком, который был способен разговорить практически любую женщину, а уж всезнающих секретарш из министерства тем более.

Сам же Владимиров – хоть и занимался этим делом как следователь, призванный больше времени уделять кабинетной работе, получая нужную ему информацию от оператив-

ников – все-таки решил сегодня нанести два визита. Первый из них был, скорее, его интуитивным порывом. Поэтому он никому ничего про него не докладывал. Второй визит официальный. В театр. Для уточнения деталей позавчерашнего преступления.

«Детский театр «Созвездие» – набрал он в Яндексе. Посмотрел координаты, время и место работы. Этот театр располагался во Дворце детского творчества в Ясенево. «Далековато, – подумал майор, – но съездить стоит. Тем более что метро мне в помощь».

Владимиров приехал к зданию Дворца после двух часов дня. На вахте спросил о театре.

– Вы за ребенком своим пришли? – недоверчиво спросила его пожилая полная вахтерша. – Так они еще на репетиции.

– Нет, – ответил Владимиров. – Хотел дочку к Вам определить, решил с педагогами познакомиться.

– Что-то вы поздно с дочкой-то. Разве что теперь на будущий год. А педагогов-то там было-то всего двое, а теперь вот пока одна Ольга Владимировна. Но вы зайдите. Спросите ее. Сейчас как раз будет перерыв.

Владимиров поднялся на третий этаж и пошел по темному коридору к указанному на вахте кабинету. Двери его распахнулись, и навстречу майору выбежала вереница детей разных возрастов, но не старше лет четырнадцати.

Он заглянул в класс. Это было что-то среднее между кабинетом и залом. Окна задрапированы темной тканью, неболь-

шая сцена, занавес из той же темной ткани, полукруг стульев на несколько ярусов.

Владимиров вошел вовнутрь.

Спиной к нему стояла миниатюрная женщина с распущенными темно-русыми волосами. Она обернулась.

– Ольга Владимировна? – вежливо спросил майор.

– Да, – ответила женщина.

На вид ей было около тридцати пяти лет. Искусственное освещение зала подчеркивало мягкие черты ее лица. Трудно было назвать эту женщину красавицей, однако что-то в ней, несомненно, привлекало. Особенно выделялись серые глаза – живые и выразительные, отражающие душу человека тонкого и творческого.

– А я пришел познакомиться с Вашим театром, – начал Владимиров. – Такие отзывы о Вас. Дочка у меня любит театр.

– Приводите, мы всем здесь рады, – улыбнулась ему женщина.

– А я слышал, что Вы места занимаете в областных конкурсах, лауреатские. Вас начальство ценит.

– Да что Вы, – отозвалась женщина. – Дипломы – это больше для Дворца. А для нас главное, чтобы дети себя в этом находили. У нас, конечно, есть отбор при поступлении, нужно еще конкурс небольшой выдержать, а сколько Вашей дочке лет?

– Двенадцать, – ответил Владимиров. – А вы знаете, я бы

еще хотел фотографии театра посмотреть. На сайте не все есть…

– Фотографии есть, они сейчас в фойе висят на первом этаже, – как-то рассеянно ответила Ольга. – Простите, сейчас вернуться дети с перемены. Мы должны продолжить.

– Да, конечно, – отозвался Владимиров.

Он спустился на первый этаж. Фотографий действительно висело много. Театр был успешный. Для детского объединения такого уровня гастролировал много, тут же висели и дипломы. Владимиров обратил внимание, что кроме Ольги Владимировны Соловьевой на фотографиях был изображен другой человек – мужчина ее возраста. И тут он остановился. На одной из фотографий вместе с детьми из театра и педагогами гордо возвышалась в полном боевом параде Светлана Петровна Подколесова.

Глава 5. Весь мир театр…

О своем открытии во Дворце детского творчества Владимиров никому не сказал. Он молча вышел из фойе, спустился в располагавшееся поблизости метро. Сидя в вагоне, он думал, тщательно взвешивая каждую деталь.

Его размышления прервал звонок Егора Левина. Владимиров, глядя на экран смартфона, поморщился. Опять эти разговоры в общественном транспорте. Тем более что Егор всегда говорил много. А громкую связь майор включать не любил, даже если людей рядом было мало.

– Ну, в общем, так, – начал Егор, что свидетельствовало о том, что полезной информации он накопал не одну тонну. – Подколесова дамочка еще та. Крупный зверь. Но по порядку. Родом из провинции, из районного городка. В Москву приехала учиться, вуз окончила с красным дипломом. Была замужем. Сын умер от почечной недостаточности в четыре года. Карьеру делала стремительно. Уже в тридцать лет занимала серьезные должности. Бескомпромиссна и резка. Подчиненные ее боятся и ненавидят, сплетничают за спиной еще как. Да есть о чем. У Подколесовой есть слабости: дорогие наряды, украшения и молодые мужики. Обычно приближает к себе мужчину лет на 10—20 себя моложе. Играется с ним год-два, от силы три. Потом находит нового. Кого смог из ее кавалеров, записал, сейчас тоже есть такой один, ее помощ-

ник. Парень смазливый, недавно кандидатскую по экономике защитил, сказали, она все для него пробила. Обещала похлопотать насчет должности хорошей.

Владимиров слушал Егора, ощущая в себе какое-то неприятное чувство, ему невольно вспомнился его последний разговор с Подколесовой, ее нелепые попытки произвести на него впечатление. «Похоже, что у этой женщины явно какие-то особенные комплексы. Дедушка Фрейд был бы в восторге от такой пациентки», – усмехнулся про себя Владимиров.

– Слушай, – обратился он к Егору, – а что враги? Явные враги были?

– У такой женщины, да как тут бы врагов, – не без уважения ответил Левин. – Но ты знаешь, у меня сложилось впечатление, что она хоть над подчиненными и измывалась, но так без подлости особой. Больше самоутверждалась. Мол, цените меня, уважайте, комплименты говорите. Начальство ее и ценило. Покровители высокие у нее есть, что ли. Далеко не глупая женщина. И никогда себе ничего особенного публично не позволяла. Этакая принципиальная львица…

– Понятно, – отозвался Владимиров.

Через полчаса он вышел на нужной ему станции. Теперь минут двадцать предстояло пройтись пешком. Путь майора юстиции лежал в настоящий театр.

Конечно, это могло быть простым совпадением. Преступник мог схватить первую попавшуюся фотографию. И чем

могли быть связаны между собой Подколесова и эта женщина-педагог? У той должность замминистра, у этой маленький детский театр на окраине города. «Пазлы» совсем не складывались, нужна была дополнительная информация.

Между тем он уже пришел к зданию, построенному лет 30 назад и имевшему несколько вычурное название «Театр современной пьесы». Тогда в моде были новые архитектурные решения. Странная конструкция из бетона, стекла и металла выглядела несколько нелепо. Около театра бил фонтан с масками и разнообразными мифологическими персонажами. Про себя Владимиров отметил, что за этим фонтаном совсем не разглядеть стоянку для служебного транспорта. Именно это обстоятельство не дало им с Петром в вечер преступления рассмотреть человека, который сел в автомобиль Подколесовой.

Размышляя об этом, Владимиров вошел в театр. Было около пяти вечера, спектакля в этот день не намечалось, поэтому театр был пуст. Однако гостя из полиции ждали. Около пустых вешалок в гардеробе несколько насупившись, сидели две пожилые женщины, ожидая опроса. Директор театра – Яков Михайлович – встретил Владимирова с характерным для него радушием, которое, впрочем, показалось майору несколько наигранным.

– Дорогой, дорогой Дмитрий…

– Александрович, – подсказал Владимиров.

– Да, дорогой Дмитрий Александрович, – а мы Вас

ждем. – Все сотрудники, которые дежурили тогда, собрались. Вот, правда, актеры не все, что были, но Вы должны нас понять. Актеры – люди занятые, у многих есть еще занятия. Преподают, играют, выступают. Несут свет искусства в массы.

– Яков Михайлович, я хотел бы поговорить с Вами и гардеробщицами. Этого пока достаточно, тем более что особо занятых мы можем пригласить к нам официально.

– Конечно, конечно, – заторопился Яков Михайлович. – Давайте пройдем в мой кабинет.

Немолодой грузный директор поспешил отвести Владимирова в кабинет, располагавшийся на первом этаже. Кабинет представлял собой, скорее, каморку папы Карло в семь метров шириной и пять метров длиной. Там каким-то чудесным образом размещался шкаф и довольно-таки массивный стол. Все стены были увешаны фотографиями и наградами. На видном месте красовался довольно точный дружеский рисунок-шарж на самого Якова Михайловича. «А это весьма неглупый человек с хорошим чувством юмора», – заметил про себя Владимиров.

Однако разговор с директором ни к чему существенному не привел. Яков Михайлович кратко пересказал события того злополучного вечера. В кабинет он свой не спускался, провел все время за приготовлениями к банкету, который происходил на третьем этаже в малом репетиционном зале.

Светлане Петровне уделял внимание чуть больше, чем

другим гостям, взялся ее проводить. И тут такое.

На вопрос о том, как бы он мог характеризовать саму Подколесову, Яков Михайлович уклонился от прямого ответа.

– Вы понимаете, – ответил он. – Мы ее давно уже знаем. Она для театра многое сделала. Помогла деньги на ремонт получить в прошлом году. Ну как тут без уважения к масштабу личности… Так сказать. Женщина она серьезная, деловая… Не без характера, конечно, но это вообще черта настоящих русских женщин…

Владимиров вдруг подумал, что сам Яков Михайлович даже сейчас Подколесову боится. У него, наверное, совсем другая жена. Умная, тонкая, образованная, возможно, так же, как и он, живущая искусством.

– А наши сотрудницы из гардероба ждут Вас, – продолжил Яков Михайлович. – И все-таки согласитесь, неприятная для нас эта история. Ее бы как-то разрешить. Мы даже можем подумать о том, чтобы вернуть Светлане Петровне часть суммы за манто. Вы поймите, мы ее очень уважаем.

Майор поднялся, чтобы побеседовать с гардеробщицами. Яков Михайлович в это время схватил что-то со стола и стал совать в руки Владимирова какие-то небольшие бумажки.

– Это пригласительные, – быстро объяснял он, – на любой наш спектакль. Мы Вас тоже очень уважаем. Хотим, чтобы и сотрудники наших органов правопорядка приобщались к искусству, так сказать.

Владимирову пришлось нехотя сунуть в карман две бу-

мажки, остальное он взять категорически отказался. Впрочем, Яков Михайлович на этом и не настаивал.

Майор поспешил в пустой гардероб. Встреча с его работницами тоже поначалу ничего не дала. Женщины категорически не соглашались с тем, что хоть ненадолго в течение того рабочего дня покидали гардероб. Даже в туалет ходили по очереди, когда шел спектакль. Да и женский туалет располагался тут же, буквально в трех шагах от гардероба.

– Но, может быть, кто-то к Вам подходил поговорить? – уточнил Владимиров.

– Чужих никого не было, – отрезала одна из гардеробщиц (она была посмелее и чуть помоложе второй). – Зрители вещи отдавали, номерки получали, шли потом в зал. После спектакля номерки сдавали, вещи получали.

– А много осталось вещей после спектакля?

– Верхней одежды штук десять, это тех, кто на банкете, значит, – отозвалась вторая гардеробщица.

– Да, они на банкет идут, а нам их жди, – добавила первая. – Просила я Якова Михайловича, ну пусть эти – особенные гости – у Вас раздеваются, а он куда там. Ему, видите ли, некогда. А мы что, сторожа вещей этих приглашенных гостей? Ведь они даже за билеты не платят…

– Ну, может быть, кто из своих мимо проходил, может, поздоровался только с Вами? – настаивал Владимиров.

– Ну, – отозвалась вторая гардеробщица, – и поздоровались они, что же теперь, обязательно украли что ли?

– Никого особенного не было, – добавила первая, – суеты было много, все-таки премьера, а вот здоровалась только Ася.

– Что за Ася? – заинтересовался Владимиров.

– Актриса наша. Она прямо в гриме перед выходом на сцену к нам забежала.

– А что ей было забегать? – быстро спросил Владимиров.

– Да так, по делу пустяшному, – нехотя отозвалась вторая гардеробщица.

– Знаете, если бы не кража большая, то и говорить не стали, – почему-то рассердилась первая гардеробщица. – Ася по личному делу приходила, платье она свадебное принесла.

– А платье-то зачем? – еще больше удивился Владимиров, вернее, сделал вид, что удивился.

– А вот для чего, – откровенно призналась вторая гардеробщица. – У сына моего младшего свадьба намечается. Они уже долго живут вместе, вот теперь пополнение ждут, надо все оформить по закону. А у них долги, ипотека. Денег особых нет, вот Ася и решила отдать свое платье свадебное, красивое, она сама себе его шила, бисером украшала.

– Ну и что, платье-то взяли? – спросил майор.

– Нет, не стали, хоть и красивое очень и по размеру должно было подойти, – вздохнула вторая гардеробщица.

– А почему?

– Много вы хотите знать, гражданин начальник, – вдруг совсем взъерепенилась первая работница. – Муж у нее умер,

вернее, повесился, не захотели мы платье брать от такой свадьбы, вроде как примета плохая.

– А… понятно, – отозвался Владимиров. – А кого Ася-то в спектакле играла, я смотрел: у Вас актрис с таким именем нет.

– Играла в каком-то эпизоде что-то там из массовки. Вы не думайте, она актриса стоящая. При мне еще стольких переиграла. А вот приехал новый режиссер, и теперь она редко на сцену выходит по-настоящему, – более спокойным тоном отозвалась первая гардеробщица. – А Асей я ее с детства зову, я с ее матерью знакома была, в театре-то служу уже 45 лет. Отработала заведующей пошивочным цехом, а на старости лет в гардеробщицы подалась. А так по паспорту она Ольга.

– Ольга Соловьева? – спросил Владимиров, чувствуя некоторое волнение.

– Да, так.

– А ее муж? Как его звали, кем он был?

– Муж был актер тоже. Игорь Королев. А она фамилию никогда не меняла.

– А что с мужем-то случилось? Поподробнее можно?

– Там история сложная была, – заметила женщина со вздохом, – они учились вместе в театральном, свадьба была студенческая, но жили хорошо, правда, без детей. Все для сцены, играть стали ведущие роли почти сразу. Прямо в звезды выбились от молодых ногтей. А потом новый худрук у нас появился, что-то оборвалось прямо как. А вы знаете, ко-

гда наверх-то поднимешься, падать очень больно. Ася она покрепче была. Театр создали детский, стали ребятами заниматься, в конкурсах участвовать, даже побеждать. Игорь с ней был. А потом что-то у него случилось. Вот он и решил так вот… уйти…

Владимиров почувствовал, что женщина что-то явно скрывает, но настаивать на своем не стал, он и так узнал о многом. «Пазлы» стали складываться, и хоть некоторых деталей пока не хватало, майор понял, что смог ухватиться за какую-то важную ниточку, которая приведет его в процессе предварительного следствия к разрешению всех противоречий, накопившихся за последние дни.

Глава 6. Трепетная муза

– Ты что, Кашпировский, что ли? – голос Егора Левина в телефонной трубке был немного обиженным и одновременно насмешливым. – Ну как ты догадался? Тебе бы не в органах работать, а на «Битве экстрасенсов» деньгу зашибать.

Владимиров понимал, что Егор с первого слова ему ничего не скажет, но само начало было хорошим. Его коллега в это утро даже обиделся, когда Владимиров отправил его снова в министерство выяснять имя предыдущего кавалера Подколесовой.

– Был ты прав, звали его Игорь Королев. Актер. Познакомились они с Подколесовой три года назад. В «мальчиках» у нее был полгода. Причем даже непонятно зачем. Карьеры она ему никакой не сделала. В театре как играл он какие-то проходящие роли, так и продолжил играть, несмотря на эту влиятельную «мадам». В чиновники она его не перетащила. Так, побаловалась и бросила. А он потом на самом деле повесился. То ли от любви, то ли от позора. А ты эту Подколесову видел. Аж смотреть страшно. На нашего брата действует прямо, как удав на кролика. Чтобы я да с такой женщиной, – Владимиров понял, что Егору хочется сказать что-нибудь острое, но он себя сдерживает, его коллега вообще не позволял себе излишне грубых слов по телефону.

Владимиров отключил связь. Теперь у него в голове все встало на свои места. Он все понял в этом деле, хотя, по сути, не имел никаких улик.

Да, Ольга проходила мимо гардеробщиц, принесла свадебное платье, но ни одна из них не подтвердит, что она прошла к вешалкам с одеждой, камеры видеонаблюдения ни возле театра, ни около коттеджного поселка ее не зафиксировали. Увела Подколесова у нее мужа, повод для ненависти был, но обычно несчастные жены как-то по-другому мстят своим обидчицам, а тут украсть шубу, поджечь квартиру, автомобиль. Как-то все это не вязалось с обликом хрупкой актрисы-педагога. Слишком было все поверхностно, а эта женщина более сложна и глубока. Да и если бы она сразу все это сделала, спустя несколько месяцев после смерти мужа, это был более или менее понятный эмоциональный порыв, а так – спустя уже два года с хвостом, да и зачем. Материальный урон Подколесова понесла для нее не такой уж большой. Да, вчера она опять звонила Владимирову, пожаловалась, что с ее карты кто-то снял около 100 тысяч рублей, она уже написала официальное заявление, сотрудники банка отправили запрос службы Яндекс-денег, потому что средства были отправлены на один из кошельков. Впрочем, это обстоятельство было уже не таким важным для хода расследования.

Владимиров понял, что сейчас ему необходимо установить наличие алиби у Ольги, а также поговорить с ней уже

в совсем другом тоне. Однако ему почему-то не хотелось рассказывать о своих догадках кому-либо, и он решил снова нанести визит во Дворец детского творчества.

Ольга встретила его без удивления. Ее взгляд был спокойным, а улыбка вежливой и ровной.

– Наверное, нам стоит пройти в мой маленький кабинет? – спросила она. – Мне кажется, что нам есть о чем поговорить.

Отдавая должное ее догадливости, Владимиров прошел с ней к краю сцены, где была задрапирована небольшая дверка. Дверь вела в крошечное помещение, которое, по всей видимости, служило местом ожидания своего выхода для юных актеров. Здесь не было даже письменного стола, вместо него стояло несколько стульев, висели зеркала и забавные картинки по стенам.

– Я Вас слушаю, – сказала Ольга, опускаясь на один из стульев и приглашая жестом Владимирова последовать ее примеру.

– Ольга Владимировна, – начал майор, – как Вы понимаете, внимание к Вам продиктовано не просто любопытством. Это профессиональное любопытство, так сказать. Дело в том, что в театре, в котором вы работаете, в прошлое воскресенье было совершено преступление. После спектакля у женщины было украдено очень дорогое манто. Потом у нее же украли автомобиль и на этой машине проехали к ней на квартиру, там же был совершен поджог помещения, автомобиль также сгорел.

Ольга слушала Владимирова внимательно. Ее лицо оставалось вежливо безучастным, однако, она чуть-чуть подняла брови в знак некоторого удивления.

– Сожалею, – спокойно отозвалась она, – но, простите, чем я могу помочь в этом деле?

– Ольга Владимировна, вы в этот день беседовали с работницами гардероба, приносили им свадебное платье, предлагали его. Вы были в театре.

– Да, – усмехнулась Ольга, – правда Ваша – приносила, предлагала. Но кроме меня в театре было еще человек пятьсот, и вы подозреваете меня одну?

– Ольга Владимировна, но именно вы имели право считать Подколесову своим личным врагом. Мне бы не хотелось напоминать Вам историю о Вашем покойном муже…

Губы Ольги слегка побледнели. «Даже будучи хорошей актрисой, она не смогла сдержать себя», – подумал Владимиров.

– Вы об этом знаете? – горько улыбнулась его собеседница. – Впрочем, это узнать было нетрудно. Да, к сожалению, я, как и многие женщины, оказалась брошенной женой. Хотя эта ситуация личная. Мне бы, в свою очередь, не хотелось обсуждать ее публично.

– А где вы были после спектакля в воскресенье?

– Ушла с банкета сразу, – отозвалась Ольга. – У меня были обстоятельства, – заметила она, поймав взгляд Владимирова, – меня пригласили стать членом жюри детского конкурса.

Театрального конкурса в городе Торжке. Я села на автобус в 23:00, поехала на конкурс.

– Что за автобус? Откуда он уходил? Да и когда вы были на месте?

– Автобус с автовокзала, ехать, правда, долго, аж десять часов. Была в городе только утром. В десять утра пришла на конкурс, жюрила там до пяти вечера, потом уехала на таком же автобусе. День работы, ночь в пути, день работы, потом еще ночь пути и новый день уже на работе…

– Это нетрудно проверить, – отозвался Владимиров.

– Конечно, – улыбнулась в ответ ему Ольга и встала, показывая, что просит его завершить разговор.

Глава 7. Трудный день

Весь следующий день Владимиров занимался проверкой алиби Ольги Соловьевой. В целом всё сходилось. Билет в кассе автовокзала был куплен за три дня до поездки на ее имя и паспорт. На ее месте было зафиксировано прибытие пассажира, в Торжке подтвердили, что конкурс в этот день проводился, и Соловьева была одним из членов жюри, также было документально подтверждено, что она купила билет на автовокзале этого города обратный билет.

По опыту Владимиров знал, что пассажиров того автобуса было допрашивать практически бесполезно, прошла уже почти неделя с того дня, да и кто может вспомнить лицо человека, с которым столкнулся на ночном рейсе автобуса. Майора заинтересовало, что путь автобуса был по времени очень затяжным, открыв карту в Яндексе, он отметил, что сам путь от столицы до этого города составляет примерно 240 км. Это часа четыре в дороге, однако автобус по своему маршруту заезжал почти во все города и городочки, поэтому его путь был больше похож не на прямую, а на какую-то полувосьмерку с овалом. К тому же конечной точкой его маршрута был даже не Торжок, а Тверь.

Получалось, что у Владимирова практически не было доказательств причастности Ольги Соловьевой к этому делу. Были догадки, серьезный мотив мести, но все улики носи-

ли сугубо косвенный характер. С такой доказательной базой к начальству идти нельзя, так как результаты предварительного следствия, проведенного им, не могли подтвердить причастность подозреваемой к совершенному преступлению.

К тому же Владимиров, как бы он этого и ни хотел, был на стороне Ольги. За свою профессиональную жизнь он успел повидать всякого. Самые лучшие психологи – это те, кто постоянно работают с людьми, а уже если приходится работать с людьми в экстремальных условиях, то становишься просто ассом психоанализа.

Но незавершенность дела угнетала. И от этого вольно или невольно Владимиров весь вечер мысленно возвращался к нему. Жена, привыкшая к его задумчивости, не задавала вопросов, дети, вернувшиеся со своих вечерних дополнительных занятий: сын со спортивной секции, а дочка из театральной студии, также молча делали уроки, привычно обращаясь за советами лишь к матери. Его никто не тревожил по пустякам. Майор знал, что этим он обязан своей жене, и очень ценил ее за мудрость и такт.

Когда утром он переступил порог своего служебного кабинета, Егор Левин ошарашил его вопросом:

– Ты смотрел вчера в новостях? Даже на Первом это показали!

Увидев недоуменное лицо своего коллеги, Егор пояснил:

– Вечно ты не в курсе. Подколесову уже взяли. Открылись ее махинации: там целый воз всего: вывод средств за ру-

беж, оффшорные счета, откаты, аферы, крупно брала дамочка. Прямо Рокфеллер в юбке.

Пока Владимиров осмысливал переданную ему информацию, Егор продолжал:

– Я уже и в новостях в Интернете посмотрел, и там про нее есть. Прославила на всю страну, даже на весь мир. Теперь прокуратура занимается ее делом. А нас к себе начальство вызывает.

Как бы желая удостовериться в правдивости слов Левина, Владимиров сел за свой рабочий стол и сразу полез в смартфон. Действительно, новость об арестованной замминистра культуры уже была в Интернете, конечно, не в топе новостей, но этого было достаточно, чтобы поверить. Тут же Владимиров понял, что события недельной давности и сегодняшний арест – это звенья одной цепи. И визит в загородную квартиру имел целью не просто поджог, скорее всего, имело место похищение информации из личного архива Подколесовой.

Однако его поток мыслей был прерван звонком начальства. Вместе с Егором и откуда-то появившимся Петром Владимиров пошел в высокий кабинет, действительно располагавшейся на верхнем этаже их здания.

В кабинете у начальника уже сидел молодой для своего звания подполковник – старший следователь по особо важным делам из прокуратуры. Невысокий блондин, довольно вежливый, но с каким-то холодным блеском голубых глаз. Его представили, он попросил ввести его в курс событий

по возбужденным уголовным делам, пострадавшей в которых была признана Подколесова. Владимиров кратко изложил факты, однако о своей догадке насчет Соловьевой предпочел пока промолчать.

Подполковник бегло пробежался по бумагам.

– Нестандартное преступление, – хотя есть свои «ниточки», можно зацепить, – проговорил он. – Ввиду сложившейся ситуации мы освобождаем вас от ведения этого дела. Можете даже порадоваться, все это попахивает «глухарем». А теперь с вас взятки гладки.

Владимиров предпочел не отвечать на такие шутки, он вежливо попрощался и вышел из кабинета.

Весь рабочий день он провел, занимаясь рутинными заботами. Бумаг приходилось писать, как всегда, много. Подобная бюрократия раздражала, однако майор принимал ее как не самую приятную, но часть своей работы. С самого своего появления на службе он приучил себя дисциплинированно составлять все эти бумаги, с грустью иногда удивляясь тому, что начальство, да и все проверяющие службы оценивали его деятельность по правильно или не совсем правильно составленным бумагам. Поэтому он привык, что бумаги живут несколько «сами по себе», а он со своей деятельностью от них отдельно.

При этом Владимиров удивился, когда в конце рабочего дня, спускаясь к выходу, застал у дверей Ольгу Соловьеву. Та стояла недалеко от входа в длинной до пола юбке, которая

шла ее стройной фигуре, и небольшой шубке до пояса.

– А я Вас жду, Дмитрий Александрович, – с некоторой наигранностью сказала Ольга. – Вы на машине? Нет, а вот я сегодня за рулем. Давайте подвезу.

Владимиров быстро понял, что садиться в машину Соловьевой не должен. Просто потому, что подозревал эту женщину в нескольких преступлениях. Поэтому он решил вернуться в свой кабинет, благо тот после окончания времени службы был свободен. Ольга достаточно спокойно согласилась и на этот вариант.

Пока они поднимались по служебной лестнице, Владимиров про себя отметил, что совершил ошибку, не проверив, имеет ли Соловьева права, а ведь была угнана машина. Хотя права сейчас имеет такое количество женщин, что искать преступника по этому критерию было бы глупо.

– Я не знала, стоит ли мне к Вам приходить, – начала разговор Соловьева.

Что-то в ее лице выдавало, что она ждет сейчас психологической помощи от Владимирова. Но майор не высказывал никаких эмоций, просто слушал свою собеседницу. Догадавшись об этом, Соловьева продолжила:

– Но я все равно решилась прийти. Знаете, сначала я думала, что с этим будет легко жить, но вот уже четыре ночи совсем не могу спать. Даже снотворное не помогает. И я решила все-таки на шаг… Но это неважно, я решила все Вам рассказать. Как все было.

– Это сделали Вы? – мягко, без нажима спросил Владимиров.

– Да, – просто ответила Соловьева. – Все оказалось нетрудным. Игореша. Он рассказывал, где она хранит бумаги. Понимаете, она была умна и жестока, но при этом каждую бумажку берегла. Такая привычка. Даже такую, которую лучше было бы вообще уничтожить. Он случайно увидел, разобрался и испугался. Дурачок. Слабый он был. Душа тонкая, доверчивая. Как переживал, что мы с ним в театре потеряли наши роли. Ведь он даже Вронского репетировал, а мне Анну не дали, ну да Бог с ним. А потом Николай Алексеевич уехал, а новый худрук нас как-то быстро задвинул. Он все какие-то комедии стал ставить, зритель валом повалил, а это ведь деньги, но нас в этих постановках не видел. Старые спектакли ушли, а новых нет. Вроде числимся в штате, а на сцену два-три раза в месяц выходим.

Соловьева вздрогнула, несколько поддалась вперед всем телом, однако, заметив взгляд майора, встрепенулась, продолжила:

– Да, зачем я о театре… Это не ваше, это наше. Игореша переживал тогда сильно, но я решила, надо искать выход какой-то. А тут как раз театр детский, чтобы устроиться на эти должности, мы уже себе что-то заработали, авторитет я имею в виду. Взялись за дело. Втянулись. И дети. Знаете, у нас своих не было. Сами виноваты. А дети помогают. Поддерживают как-то. И зря говорят, что современные дети только гад-

жетами живут, это все внешнее, а внутри – они мягкие – еще многое с ними можно сделать. Я опять отвлеклась. Простите. Страдаю многословием. Мой порок…

Соловьева вздохнула. Странно, но Владимирову казалось, что она перед ним вовсе не играет. Оттого и говорит несколько путано. Искренне волнуется. А ведь актриса, но быть настоящей еще не разучилась.

– Да. А вот с чего началось. Мы с детьми конкурс выиграли. Большой. Международный. Нас поздравляли во Дворце. И там эта женщина была. Она сразу на Игорешу как-то нехорошо посмотрела. А я тогда не заметила. Он потом стал как-то странно пропадать, не ночевать сначала, а через два месяца совсем ушел. Я переживала, даже похудела сильно. Но ничего. Дети меня спасли. Работала. Он из Дворца уволился. А в театре мы с ним иногда виделись. Я думала, что эта женщина за него хоть похлопочет, чтобы ему роли какие-то достались, знаете, он всегда хотел играть серьезное что-то. Смешно. Доктора Живаго хотел сыграть. Так это же роман, не пьеса, ее вообще почти не ставят на сцене. А через полгода он вернулся. Измученный какой-то. Я приняла. Простила. Стали жить. Во Дворце не захотел работать. А однажды мне все рассказал. Все про эту женщину. Она бумаги хранила в электронном виде в компьютере. У нее за городом квартира, без интернета компьютер. Даже на флешку себе ничего этого не скидывала. Документы были в экселе. В специальной папке, и всё.

Ольга замолчала. Владимиров понял, что в этот раз он должен ей помочь.

– Вы решили достать эти документы, когда Ваш муж умер?

– Сначала нет. Я не думала, – отозвалась женщина. – Не поняла я, зачем он решился на такое. Но сломился совсем. Особенно после этой истории. Не видел для себя ничего хорошего в будущем. Я себя виню, в наших отношениях холод какой-то пошел после всего. Я все-таки обижалась. А он… Видимо, давно эту мысль вынашивал. И осуществил. А я потом жила. Работала. Актрисам – им легче. Они могут маску надеть. А что там в душе. Бог весть. Но решила все сделать не сразу. Все как-то забавно получилось. Как у Агаты Кристи. Скажите, а из меня получилась бы какая-нибудь мисс Марпл?

Соловьева чуть прищурила свои серые глаза, однако, почувствовав, что ее шутка не удалась, продолжила:

– Сейчас же век детективов. Очень они популярны. На сценах театров теперь что в репертуаре: комедий штук пять или семь, мелодрамы какие-нибудь, может быть, хоть что-то из классики и детективы. Их зритель любит. Идет охотно. Голосует, как говорится, ногами. И я в юности детективов перечитала достаточно. А спланировать все было легко. Манто забрала. Оно ведь белое, тонкое, вместе с платьем своим запросто в пакет положила. Никто и не заметил. Своя я ведь в театре. Для своих здесь особые законы.

Ведь знала я, что платье не возьмет Анна Васильевна, примета дурная, кто же после такой свадьбы – считай от покойника – платье-то захочет. Потом на банкете только показалась, фужер разбила, чтобы меня еще больше запомнили, что была, осколки собрали вместе. А дальше я к машине, за МКАД, в квартиру. Ключи-то у Игореши остались от машины и квартиры. Почему-то эта женщина у него их не забрала. А там за компьютер, все скачала. И даже позабавилась: пароли доступа к карте ее зарплатной забрала. В ту же ночь, когда в Торжок ехала, с ноутбука, который специально купила для этого, перевела все на Яндекс-деньги, а затем в фонды для детей благотворительные. А когда домой вернулась, то и ноутбук в магазин обратно сдала.

Опять повисла пауза. Владимиров решил задать вопрос.

– А как вы добрались до Торжка? И ведь на вашем месте в автобусе кто-то сидел?

– Это сейчас очень просто. Познакомилась на рынке с бабулей. Она там торгует, работает, а сама из Твери. Внуков видит редко, переживает. А я ей рассказала, что меня командируют в Торжок, да ехать автобусом не хочу, а мне дорогу только так оплачивают. Потом купила на свой паспорт в кассе билет на тот день, когда надо, билет перепечатала с ее фамилией и паспортными данными. Контролеры в автобусах проверяет лишь паспорт, чтобы с билетом совпадал, время и дату и крестик ставит на месте, которое пассажир занял. А на какой паспорт был куплен билет – это уже ни-

кого не волнует. Сама сколько раз ездила. Так всегда было. Вот бабуля и прокатилась за меня до Торжка бесплатно. А я просто попутку взяла. Сейчас это можно. С ветерком за четыре часа и добралась. Еще подождать пришлось немножко.

Ольга вздохнула.

– Можно теперь мне вопрос задать?

Владимиров кивнул.

– А где же моя ошибка? Почему Вы так быстро обо всем догадались? Фото, правда? Мы, женщины, так сентиментальны. Не удержалась я. Не видела я квартиры этой. А как вошла. На меня мои дети смотрят и Игореша. Взяла и оторвала, а потом домой унесла. Испугалась. Фото уничтожила, как ни больно, рамку выбросила. Видите, не получилось из меня преступника настоящего… Хотя… Я своего добилась. Документы переслала куда следует. Да и не в одно место. Шум подняла еще тот.

Соловьева снова замолчала. Владимиров понял, что он должен завершить разговор.

– Думаю, Вам это все нужно рассказать завтра самой. Можете ко мне прийти. Можно к начальству. Напишите официальное заявление. На условный срок такое дело, наверное, не потянет. Все-таки кража и поджог. Но закон есть закон. Мне кажется, Вам труднее было бы с этим жить…

– Да, да, – ответила Ольга. – Мне так смешно. Я преступница. Хоть детектив с моими детьми ставь на сцене. Хотя я и детей теперь долго не увижу. Вернее, совсем не увижу. Бу-

дет судимость, а с судимостью с детьми работать нельзя… Это ведь тоже по закону. А Подколесова? (Ольга впервые назвала ее по фамилии). Сколько лет она для всех жила по закону. Посмотришь на то, что человек говорит. Прямо радеет за судьбу отечественной культуры. А на деле? Разве не она ворует? И у кого ворует? У домов культуры, которые и так в провинции полуразрушенные стоят, у тех же детей, педагогов? И мне, чтобы доказать ее вину, нужно самой превращаться в Бог знает что! Но кто прав из нас: она или я?

Владимиров предпочел на этот вопрос не отвечать.

Впрочем, Ольга замолчала сама. Она не требовала ответа от майора юстиции. Ей был нужен собеседник. Живой собеседник. Это была одна из тех женщин, которые всегда принимают решения самостоятельно. И за ценой этих решений не стоят.

Спустя несколько минут они вежливо и спокойно попрощались. Владимиров остался в кабинете, ему не хотелось, чтобы Соловьева вновь предлагала подвести его до дома. Из окна он увидел в темноте зимнего вечера ее силуэт, садящийся в машину, припаркованную рядом со служебной стоянкой.

Глава последняя

– Меня никто не спрашивал? – поинтересовался Владимиров, войдя с утра в здание отделения полиции.

На его вопрос дежурный ответил отрицательно. Владимиров поднялся к себе. Невольно опустил руки в карман куртки и нащупал там что-то твердое. Это были контрамарки! А он о них совершенно забыл.

В театр идти не хотелось. Ни с женой, ни с детьми, ни одному.

Однако контрамарки почему-то стало жалко. И он, увидев на месте Егора, решил подарить их ему. Холостому Левину всегда было с кем прогуляться в храм искусства. Егор взял билеты с радостью и тут же вышел в коридор. «Звонит, договаривается о походе», – догадался Владимиров.

Соловьева между тем весь день так и не появлялась. Майор понял, что если ее не будет завтра, то в конце дня он обязан написать рапорт о случившемся у него в кабинете признании. И хотя дело передали в другую инстанцию, все равно он был обязан сообщить все, что он услышал от Соловьевой по этому делу. А если нет, то какой он после этого сыщик? Хотя и сыщик, возможно, самый рядовой, но все равно он должен был быть последовательным в своих действиях. Подчас его работа заставляла душить человечность в себе самом. Как после этого остаться человеком?

Утром следующего дня он увидел Егора. Тот выглядел немного усталым.

– У них в этом театре одни сплошные происшествия, – ответил он на вопрос о том, как прошел спектакль. – Артистка вот разбилась. Позавчера в ночь. На зимней дороге, там, где мы машину этой чиновницы нашли. Врезалась прямо в столб. А красивая, судя по фотографии…

У Владимира в груди что-то отчетливо защемило. Он спросил имя актрисы.

– Да я уже и забыл. Лицо такое милое, молодое. Волосы длинные. Да ты, если интересуешься, позвони в театр или на сайте у них посмотри.

Владимиров не стал смотреть на сайте, он позвонил. Ему сообщили имя актрисы и место похорон.

– На прощание дети еще придут из ее театра «Созвездие», – добавила напоследок его собеседница.

2. Ловец снов

Что только не делают люди ради любви?! Но это сильное чувство, опьяняющее подобно наркотику, приводит к гибели молодого героя рассказа. К гибели нелепой и случайной. А вот кто виноват в смерти студента столичного вуза, предстоит понять следователю Дмитрию Владимирову.

Рассказ второй в ряду цикла «Дыхание мегаполиса», посвященного судьбам людей, которые живут рядом с нами в бесконечном ритме современных городских будней.

Глава 1. Новый поворот

– Ты собрался в теплый кабинет? Не получится. Поехали, у нас тут труп, – окликнул Владимирова у входа в здание полиции Егор Левин. – Кстати, тебя как следователя включили в группу, будешь уголовное дело возбуждать, так что поехали сразу с нами.

Владимиров, все это холодное мартовское утро протолкавшись в кабинетах территориального отдела полиции, где он оформлял документы по одному из своих старых дел, которое вдруг обросло неожиданными подробностями, поморщился. «Ну вот, – подумал он про себя, – мне бы пообедать, чаю попить, посидеть спокойно хоть чуток, и опять тебе… Смерть, труп. Эх, работа, работа. Зачем я выбрал тебя такую?».

– Куда хоть едем? – спросил он у Егора, садясь в служебную машину.

– Недалеко тут. Наш район. Подробностей пока мало. Компания студентов на съемной квартире. Что-то отмечали весь вечер. Выпивали, разумеется. Утром встали, один из них все спит. Погодя немного стали они этого малого будить. И не добудились. Вызвали скорую. А врачи только смерть парня констатировали. Вот и все. Возможно, передоз. Но сказать пока сложно: что и почему. Да и те – студентики – вроде очухались быстро, протрезвели, а от наркоты та-

кое сразу не бывает. В общем, сейчас все увидим.

Владимиров снова пожалел, что едет сейчас с Егором, а не обедает в столовой своего отделения. Сколько уже лет прослужил он в полиции, а к этой банальной привычности смертей так и не смог привыкнуть. Что-то внутри его всегда протестовало при виде этих неестественных и бессмысленных способов лишения человека жизни: убийств на бытовой почве, убийств из-за ревности или корыстного умысла. Да мало ли из-за чего. Смерть забирала людей раньше назначенного им Свыше срока, безжалостно обрывая все то, чем жил человек, превращая в прах все его надежды, помыслы и свершения, и это казалось и нелепым, и жестоким одновременно.

Машина скоро подъехала к одноподъездной свечке-многоэтажке, которая стояла чуть поодаль от остальных зданий. Владимиров с Левиным вышли вместе с несколькими экспертами, которые должны были осмотреть место происшествия.

– Квартира номер три, – сказал Егор. – Похоже, что первый этаж.

Квартира действительно располагалась на первом этаже. Это была небольшая двушка еще советской планировки со скромным, но вполне приемлемым ремонтом. По всему ее внешнему убранству было понятно, что квартира съемная. Таких квартир по Москве – уйма. Вполне обычное жилье для студентов среднего достатка. Место застолий и бес-

шабашных тусовок. Но сегодня здесь было как-то необычно тихо.

Дверь им открыл молодой человек с каким-то чрезвычайно бледным, вытянутым от страха лицом.

– Вы приехали, а мы тут уже ждем, – как-то безучастно промямлил он. – Мы тут на кухне. Почти все, кто был вчера. А Слава… Он там… На кровати лежит…

По его растерянному виду было понятно, что случившееся происшествие потрясло его до глубины души и он готов рассказать почти все, что знает о нем.

Владимиров с Левиным и экспертами-криминалистами прошли в указанную им комнату. Там на кровати в совершенно спокойной позе спящего человека лежал юноша. Лицо его было чуть бледным, но эта бледность даже шла к его черным волосам и очень тонким, немного «восточным» чертам лица. На вид молодому человеку было около 20—22 лет.

«Как же он был красив! – вдруг промелькнуло в голове у Владимирова. – Брови, волосы, губы. Как все изящно и выдержанно. Будто бы грузинский князь какой-то».

Эксперты, которые приехали вместе со следственно-оперативной группой, приступили к делу.

Скрывая охватившее его сожаление о молодом человеке, которого так нелепо забрала к себе смерть, Владимиров отправился на кухню: пообщаться с очевидцами событий прошлого вечера. Через несколько минут к нему присоединился Егор Левин.

На кухне сидело четверо молодых людей. Они были испуганны, молчаливы и абсолютно трезвы, что говорило о том, что выпили они вчера не так уж и много.

Глава 2. Студенческая вечеринка

Еще раз оглядев своих собеседников, Владимиров твердо и спокойно начал разговор.

– Расскажите, что у вас тут вчера происходило? Кто был? Как вел себя Слава? Да и о нем поподробнее… Откуда, что, где учился…

– Да мы тут все из разных вузов, – отозвался молодой человек, открывший им дверь. – Я вот в меде учусь. На третьем курсе. Саша, – он кивнул в сторону примостившегося у окна курящего высокого блондина, – на экономике, Толя в автомобилке. А вот Серега, – еще раз кивнул в сторону полноватого молодого человека с заспанным недовольным лицом, – вообще с нами тут постоянно не живет. Он приходит ночевать. В баре работает официантом. Тут недалеко. Бар до двух ночи. А ему домой через весь город. Вот он и договорился к нам приходить, когда после смены. Он в коридоре спит. Но и мы были не в обиде. Серега всегда продукты приносил. Полные пакеты. Холодильник забивал. Да, но это между нами. Хозяйка квартиру четверым сдавала. Иначе потребует за пятого человека. Да и Серега ночью со смены пришел. Он вообще не при делах, что у нас было.

– А что было? – еще раз спросил Владимиров.

– Да ничего. Решили вечером посидеть. Застолье небольшое для своих. Слава и Олег зачет какой-то наконец сдали.

Они-то все и затеяли. Принесли еды побольше. Спиртного тоже так, чуток. Олег же много не пьет. Слава тем более. Нас было-то всего пятеро: все мы, кто тут живет, да еще и Олег.

– А кто такой Олег этот? – перебил рассказчика Егор.

Его собеседник усмехнулся.

– Олег, он вроде того – «наследный принц», папашка у него крутой мужик, говорят, сначала в бандитах был, потом в бизнесе. У отца деньги серьезные. Он со Славой вместе в магистратуре учился. Летом уже дипломы должны были получить. На мировой экономике или как-то еще.

– А где этот Олег? Растворился-то куда? – еще раз перебил Егор.

– Да его водитель увез еще ночью. При нем же водитель всегда. Он во дворе в машине ждал. А когда Слава ушел спать, то Олег напился здорово, так водитель и увез домой.

Владимирову хотелось расспросить про этого Олега, да и не мешало бы узнать побольше о самом погибшем. Но в дело снова вмешался Егор, который использовал свое природное обаяние только при беседах с начальством и с представительницами прекрасного пола, а со всеми, кто казался ему ниже статусом и возрастом, вел себя подчас грубовато.

– А женщины с вами вчера были? Или, так сказать, мальчишник только для своих…

– Да не было с нами баб этих, – буркнул Саша, который докурил уже третью сигарету. – С ними что – посидишь, что ли…

– Да, не приглашали, – согласился Николай – так звали словоохотливого будущего медика. – Правда, Татьяна – однокурсница моя – заглянула минут на десять. Так она случайно зашла. И ушла.

– А что заходила? – не унимался Егор.

– Да, комп меня просила ее посмотреть. Выключаться стал безо всякой причины. Я отказался. Но она ко всем стала приставать. Мол, у нее курсовая по срокам горит. Посидела немного. Мы ей сказали, что завтра заглянем. И все. Ушла.

– Ладно, – сказал Владимиров, снова беря нить разговора в свои руки. – Давайте поподробнее о Славе. О том, что он делал вчера. Желательно поэтапно и по минутам.

– Да какие уж там минуты, – начал было Николай, который явно в этой компании вел себя за старшего.

– Приехали они в седьмом часу. Я по компу время помню, – добавил Саша. – Привезли пиццу, еду из «Макдональса», водки одну бутылку. Разложились. Олег что-то злой был. Славка ничего. Как всегда, все у него шито-крыто. Потом сели. Выпили. Поговорили. Вроде еще соседка, которая Татьяна эта, зашла. А дальше еще времени с полчаса прошло. Слава как-то незаметно ушел. Олег без него совсем разбушевался. Мы уже сами за Славкой, а он на кровати лежит и спит. А тут за Олегом уже водитель его зашел. Мы Олега проводили. А сами прибрались и спать. Вот и все.

– А кто в комнате со Славой спал? – спросил Владимиров.

– Я спал, – признался Николай. – Я даже свет зажег, ко-

гда вошел ночью уже, на него и не глянул толком, а утром проснулся, мне показалось, что он все спит. Мы уже встали, стали пиццу доедать, решили ему тоже оставить. Пошел я его будить, а он уже холодный. Синюшный какой-то. И тут сдрейфил. Нет, мы покойников видели. В анатомичке. Но тут вообще жесть. Он же живой с нами вечера был. Я скорую вызвал, хотя понял, что все уже, – добавил Николай.

Владимиров кивнул. Его собеседники производили впечатление людей напуганных и искренних. Говорили без утайки, смотрели в глаза и вины вроде никакой за собой не чувствовали. Вряд ли здесь могла идти речь о наркотиках или о чем-то подобном.

– А о Славе что скажете? – спросил он.

– Слава… Он парень ничего… был, – отозвался до той поры молчавший Толя. – Договориться с ним было можно. Умный такой.

– Мы вместе с ним два года уже живем, – добавил Саша, – свое он, конечно, не упустит, но вообще людей как-то сторонился. Девчонки за ним многие бегали. А он все смеялся. Говорил, что не нужны они ему. Типа карьерист он. А девчонке только дайся, она живо залетит и в загс затащит… Предусмотрительный такой… Да и с Олегом не просто так дружил. По расчету.

– А в чем расчет? – заинтересовался Владимиров.

– Они после магистратуры должны были работать в фирме у отца Олега. А у него там бизнес, командировки. Да, го-

ворили, что в магистратуру на экономику его тоже отец Олега устроил. Славка ведь бакалавриат закончил по социальной работе. С девчонками четыре года скучал на никчемной специальности. А с Олегом где-то познакомился, вот и был при нем вроде смотрящего. Берег от пьянок лишних да перед отцом его выслуживался, – сухо заметил Саша.

– Слава – сирота, – задумчиво добавил Николай. – Я знаю, что сирота круглый. Мне о семье ничего не рассказывал. Да он и стипендию социальную получал поэтому.

– Что, детдомовский? – спросил Егор.

– Да вроде нет. В семье вырос. Но что там точно случилось – не знаю. Но доход у него какой-то постоянный был, кроме стипухи. Он подрабатывал, но так, по минимуму. Фрилансил. Значит, ему кто-то помогал.

– А наркотой он не баловался? Или там о суициде не размышлял? – еще раз резко спросил Егор.

Его собеседники испуганно покачали головами. А Владимиров уже понял, что смог узнать здесь все, что эти ребята в силах ему были сейчас сказать. Каким-то внутренним чутьем он понимал, что случай перед ним непростой, но понимание всего случившегося может открыться через более тесное знакомство с личностью самого погибшего.

А вопросов оставалось много. Что стало причиной смерти? Можно ли все-таки говорить о самоубийстве или это убийство? Или случайная смерть по неосторожности? Кем был погибший? Есть ли у него хоть какие-то родственники?

Кто его друзья и враги? Почему его друг Олег был в тот вечер так раздражен?

Дело уже начинало вызывать интерес у майора юстиции. И, испытывая это знакомое чувство, он понимал, что пытается распутать хитроумный клубок человеческих отношений, которые привели к такому печальному финалу.

Глава 3. Чужая родня

К вечеру пришли результаты экспертизы. Они были ожидаемы.

– Парень действительно уснул. Вернее, впал в коматозное состояние, в результате которого произошло летальное нарушение функции дыхания и сердечно-сосудистых сокращений. Было это, скорее всего, снотворное. Что-то из группы барбитуратов. Видимо, из-за алкоголя оно дало такой эффект: действие усилилось. И заметь, так происходит именно со снотворными такой группы. Некоторые алкоголь, наоборот, нейтрализует, – хрипловатый голос эксперта, который говорил по внутреннему телефону, заставил Владимирова задуматься. И все-таки, может, сам этот Слава Коромыслов выпил на ночь сильную дозу. Был пьян. Не рассчитал. И вот так и умер.

– Слушай, – спросил он у эксперта, – а можно ли узнать, принимал ли человек это лекарство раньше?

– В том-то и дело, что не принимал. Мы уже установили. Может быть, принимай раньше – от такой дозы не отправился на тот свет. А тут его почти случайно убило. Один случай из десяти, что уснет человек в таких обстоятельствах и уже не проснется. Даже на третьей стадии в глубокой коме при передозировке лекарства кого-то еще можно откачать. Но этому не повезло.

– Понятно. Спасибо, – отозвался Владимиров.

«Да, – подумал он, – все-таки не похоже все это на самоубийство. Но кто же его тогда?»

Размышления майора прервал резкий звонок служебного телефона. Его вызывали к начальству.

Когда Владимиров поднялся на четвертый этаж, где располагался широкий служебный кабинет, то увидел, что за гостевым столом сидит посетитель. Это был несколько полноватый мужчина лет шестидесяти с седыми волосами и хорошей выправкой, которая чем-то напоминала военную.

– Дорогой Олег Иванович, – донеслись до него слова начальника. – Вы не должны так переживать. Этим делом занимаются наши лучшие сотрудники. Вот один из них. Познакомьтесь. Следователь Владимиров.

Посетитель обернулся к майору лицом. Владимиров увидел прямой волевой взгляд усталых серых глаз. Как опытный оперативник, он умел понимать людей с первого мгновения их встречи. Этот незнакомец был умен, опытен, солиден и по-настоящему взволнован.

– Рад познакомиться с вами, – протягивая Владимирову руку, произнес посетитель. – Я – Олег Иванович Старостин. Мой сын Олег и Слава. Они дружили. И я только сегодня узнал о трагедии…

«Да, это отец того самого Олега, которого ребята называли крупной шишкой, – вспомнил Владимиров. – Странно, но на бывшего бандита он совсем не похож. Что-то они на-

путали».

– Вы, наверное, уже в курсе этого дела, – продолжал Олег Иванович. – Я очень волнуюсь за сына. Понимаете, мне утром наш водитель такие подробности рассказал. А потом позвонили и сообщили о Славе. Ведь его отравили? Точно так? Я совсем голову потерял. Решил, а вдруг хотели Олега отравить, а Слава случайно выпил эту водку вместо него…

– Подождите, Олег Иванович, – заметил Владимиров. – Если у вас есть какие-то подозрения, то рассказать о них нужно поподробнее. Может быть, мы пройдем с вами в мой кабинет?

Предложение показалось посетителю дельным. Начальник взглядом дал понять, что тоже доволен. При этом в знак уважения к посетителю он проводил его до дверей и вежливо попрощался.

Спустя несколько минут в комнатке Владимирова Олег Иванович, немного успокоившись, рассказал обо всем, что его так волновало.

Оказалось, что он действительно был когда-то военным. Даже в Афганистане в 1988 году успел повоевать. Но занимался там снабжением. После пришел в кооперацию. Наладил бизнес. Долгое время перепродавал товары из восточных стран. Торговал техникой. Сейчас переживал трудные времена, но пока держался на плаву. Несколько смутно, с легкой запинкой гость попытался объяснить, почему некоторые его партнеры по бизнесу стали ему угрожать, что заставило его

даже беспокоиться за свою семью.

Что касается семьи, то у него она вся сосредотачивалась на сыне. С женой он развелся десять лет назад. Жена вышла замуж и отношения с сыном и бывшим мужем практически не поддерживала. Сын был единственный, поздний, долгожданный и… трудный. Последнего факта Старостин не скрывал. Олегу-младшему было двенадцать лет, когда мать ушла от них. Сам Олег Иванович много работал, сына запустил. А денег на его нужды не жалел, о чем потом пришлось раскаиваться. Пристроил его после школы в престижный вуз, но парень учиться совершенно отказывался. Пьяные вечеринки, легкодоступные девушки, ненадежные приятели… Олег твердо шел по дурной дороге. Из вуза его выгнали. Отец тут же пристроил его в другой университет. Попроще, но тоже с именем.

Именно в этом вузе Олег и познакомился со Славой. Причем познакомился необычно. Большой студенческой компанией они поехали весною за город на шашлыки. Олег выпил лишнего, полез купаться, начал тонуть. Слава, который хорошо умел плавать, вытащил его из реки уже в бессознательном состоянии. Олега привели в чувство, и он то ли от испуга, то ли из благодарности привел нового приятеля к себе домой, где рассказал отцу о произошедшем. Через некоторое время Олег Иванович понял, что Слава положительно влияет на сына: не дает ему сильно пить и отчасти контролирует круг общения, да и в вуз благодаря Славе Олег стал

регулярно наведываться. Посерьезнел, даже девушки появились у него постоянные, не то, что раньше.

Нетрудно догадаться, что новый друг сына стал для Олега Ивановича очень дорогим человеком. И, приглядевшись к нему, он понял, что Слава практически бедствует. Обиженный родственниками сирота, он жил на скромную стипендию и свои подработки. А между тем, как узнал Старостин, у Славы от матери, скончавшейся, когда ему исполнилось пятнадцать лет, осталась большая трехкомнатная квартира в подмосковном Воскресенске. Но этой квартирой практически сразу завладел его дядя – брат матери, который после того, как Слава остался один, стал жить в ней со всем своим многочисленным семейством. А когда племянник поступил в московский вуз, вообще прекратил с ним общение, да и в квартиру перестал пускать.

Подобная несправедливость показалась Олегу Ивановичу вызывающей, и он решил парню помочь. Тем более что вся помощь заключалась в том, что он сначала нанял Славе хорошего адвоката, который выиграл дело в суде о выселении прописавшихся там родственников, а затем поспособствовал тому, что судебные приставы быстро привели решение суда в исполнение. Квартира оказалась свободной. Правда, Слава сам в ней жить не стал, но удачно сдал ее, а с помощью вырученных денег поправил свое материальное положение.

Пока Старостин рассказывал все это, Владимиров слушал его внимательно, не перебивая. Однако история о семей-

ной распре Славы Коромыслова его заинтересовала, так как именно с ней могло быть связано его убийство. Но сначала майор решил уточнить у Олега Ивановича все, что тот знал об обстоятельствах жизни погибшего.

– А что, кроме умершей матери и дяди, у Вячеслава никого не было? – мягко спросил он.

– Нет, – покачал головой Старостин. – Отца не было совсем. У Славы я сам не спрашивал, но Олег сказал мне, что мать Славы родила его поздно, уже глубоко за тридцать. Она была женщиной обеспеченной. Этакой бизнес-вумен по местным воскресенским понятиям. Поехала летом на Кавказ отдохнуть. Вернулась уже в положении. Славу родила. И все бы ничего. Но когда Славе было лет девять, у нее обнаружили рак. Боролась она долго. Денег на лечение ушло много. Поэтому финансово она ему мало что оставила. Только квартиру.

– Получается, – отозвался Владимиров, – что теперь наследником этой квартиры станет дядя.

И подумал про себя, что надо бы познакомиться с этим человеком. И нужно узнать о нем как можно больше информации. Потому что квартира – тем более спорная – очень серьезный мотив для преступного деяния.

А между тем Олег Иванович перешел к рассказу о том, что его волновало больше всего. Но подходил он к этой теме осторожно, как бы боясь сказать лишнего и не договорить о чем-то важном.

– Понимаете, Дмитрий, – начал Старостин и запнулся.

– Александрович, – подсказал Владимиров.

– Да, Дмитрий Александрович. Я все про вчерашний злополучный вечер. Как все произошло. Я в последние месяцы весь был в запарке. Дела. И все трудные дела. А мне уже и на е-майл стали писать и звонить. Мол, отдать нужно деньги. Я тут задолжал денег. Взял за товар. А там с товаром проблемы. Вот они стали угрожать, что с сыном что-нибудь случится. Я, конечно, всегда около Олега водителя держал. Он мастер спорта по рукопашному бою. Но Олег не любил, чтобы тот около него маячил. И опять-таки Слава был рядом. Так вот. Он после университета поехал со Славой в «Макдональдс» перекусить. А к Олегу там парень какой-то подошел и бутылку водки протянул. Мол, выпей, раз не дурак. Олег соблазн преодолеть не смог, взял, а тут Слава увидел и не дал ему выпить. Они поссорились, и Слава как-то сам из горла эту водку глотнул, а потом пошел и бутылку всю в раковину в туалете вылил. Олег, конечно, рассердился. Все-таки зависимый он у меня. Но потом они вроде помирились. В супермаркет сходили, продуктов купили и еще чего-то. Решили съездить к ребятам, с которыми Слава на квартире жил. Посидеть. Об этом мне водитель рассказал. А я вот думаю, может, отравленная была эта водка? Вот Славик вместо Олега и смерть себе нашел?

По лицу Олега Ивановича было видно, что этот вопрос его волнует чрезвычайно. И даже Владимиров на секунду заду-

мался.

– А в каком часу это все было?

– Около шести вечера.

– Я понял вас, – ответил майор. – Сказать пока что-то определенное не могу. Смерть Вячеслава Коромыслова была насильственной. Он действительно умер от отравления. Однако это отравление было не совсем обычным. Пока это все, что я могу вам сказать. Нужно еще внести показания в протокол, а также побеседовать с вашим сыном и шофером сына, так как они непосредственные свидетели произошедшего. Единственное, что могу обещать, что буду держать вас в курсе дела. И посоветую: пусть пока ваш сын остается дома. И дома находится не один. Так ему пока будет безопаснее. Да, – добавил он, помолчав еще секунду, – вы можете написать заявление об угрозах в ваш адрес, если хотите, конечно.

Старостин заявление писать не стал, что было ожидаемо. Однако спустя час Владимиров зафиксировал показания шофера, а еще через полчаса – сына Олега Ивановича, который показался ему испуганным до крайности.

Олег-младший производил впечатление холеного молодого человека с какой-то очевидной неуверенностью в себе, несмотря на весь внешний лоск. Вел он себя подавленно. Казалось, что случившаяся трагедия полностью выбила его из привычной колеи. Его рассказ о произошедшем был запутан и не давал никакой новой информации. Что же ка-

сается той злополучной бутылки водки, якобы подаренной ему в «Макдоналдсе» незнакомцем, то Олег сначала мямлил о ней что-то невразумительное, что навело Владимирова на мысль о том, что водка была просто куплена им самим тайком в ближайшем магазине. Когда майор задал этот вопрос собеседнику в лоб, тот, еще более растерявшись, подтвердил его догадку. Так что версия его отца о попытках отравления сына была явно надумана под воздействием тяжелой психологической ситуации, в которой тот сейчас находился.

Впрочем, и шофер Старостина – крупный мужчина лет тридцати пяти с угрюмым недоверчивым взглядом – не сказал ничего полезного. Его показания тоже стали, скорее, формальностью, связанной с привычной бюрократией процесса предварительного следствия.

Уже покидая свой служебный кабинет, Владимиров все снова и снова возвращался к этому делу. Перед ним как живой стоял молодой человек с обрамленным темными волосами лицом, приходили на память образы его родственников, которые бились с ним за наследство его матери, и друзей, которые оказали поддержку в трудную минуту.

«Да, – вдруг подумал Владимиров, – он же был по отцу с Кавказа. Вот почему мне показалось, что у парня восточные черты лица!»

Глава 4. Университет

На следующее утро, когда Владимиров вошел в кабинет и занялся обычными делами, его работу очень скоро прервал вызов к начальству. Начальник был краток, он просил майора отчитаться о ходе расследования по делу Коромыслова, а также рассказать о планах по скорейшему установлению всех обстоятельств произошедшего.

«А у этого Старостина хорошие связи в наших структурах, – подумал про себя Владимиров, понимая, что его начальник действует по приказу „сверху“».

В кратком устном отчете майор указал, что были опрошены прямые свидетели произошедшего, сейчас устанавливаются личности ближайших родственников погибшего, с которыми также будет проведена работа. Был послан запрос для детализации звонков Коромыслова в день смерти, планируется посетить вуз, где он обучался.

Начальник, бегло выслушав донесение, потребовал работу все-таки ускорить, на что Владимиров ответил, что именно сейчас он поручил Левину в рамках оперативно-розыскной работы посетить учебное заведение, где числился Коромыслов.

– Знаете что, Дмитрий Александрович, – заключил начальник, – поезжайте и вы вместе с Левиным, он, конечно, парень толковый, оперативник грамотный и со стажем,

но вдвоем как-то сподручнее будет. И опросы свидетелей проведете прямо на месте.

– Есть, товарищ полковник, – отрапортовал Владимиров.

Спускаясь из высокого кабинета, Владимиров отметил про себя, что никогда не хотел бы оказаться на этом месте. Не то чтобы карьеризм ему был вообще не свойственен, все-таки в свои сорок пять лет он дослужился до звания майора юстиции. Начинал трудиться в полиции оперуполномоченным, теперь уже работал следователем, был на хорошем счету, имея достаточно высокие показатели раскрываемости и ни одного возвращения дела из суда для дополнительной проверки. Однако выше своего сегодняшнего положения подняться не стремился, вполне удовлетворяясь своей должностью, позволявшей ему заниматься следственной деятельностью, погружаясь в сложный мир человеческих отношений и поступков.

Уже в кабинете Владимиров встретился с чуть запоздавшим Левиным. Еще вчера он поручил ему узнать всю необходимую информацию о родственниках Коромыслова и теперь ждал, что тот ему расскажет. Чтобы не терять даром времени, они спустились вниз, планируя поговорить в машине по дороге до вуза, который, к счастью, располагался относительно недалеко.

– Слушай, – начал Левин, – об этом дядюшке собрал информации немного. Проживает в Воскресенске, на работу приезжает в Москву, работает вахтовым методом, по про-

фессии электромонтер или что-то близкое, женат, детей трое. Пробил его номер телефона и пообщался. Пригласил к нам. Обещал сегодня подъехать. Договорились после четырёх, так что скоро увидим этого «бедного родственника».

Владимиров слушал своего товарища вполуха. Дядя Коромыслова, конечно, представлял интерес, особенно в виду открывшихся вчера подробностей его взаимоотношений с племянником, но он как будто чувствовал, что дело как-то не клеится. Ему казалось, что они все время ходят с Егором рядом разгадки произошедшего, но не могут понять что-то главное, путаясь в незначительных подробностях. Владимир интуитивно чувствовал, что упустил какого-то важного свидетеля, который помог бы до конца разобраться в ситуации.

Как знать? Может, ему удастся узнать что-то новое в этом университете? Но вот что?

А между тем машина уже въехала во двор вуза. Владимиров, заранее договорившийся о встрече с деканом факультета, на котором учился Коромыслов, отправился к нему, поручив Егору пообщаться с однокурсниками Вячеслава. Это отражало привычный стиль работы следователя и оперуполномоченного. Владимиров, всегда вежливый и внимательный, чаще всего общался с начальством и прочими состоявшимися людьми, предоставляя бойкому и словоохотливому Егору Левину (который к тому же был его на восемь лет младше) поговорить по душам с молодежью.

Деканат располагался на четвертом этаже витиеватого

здания вуза с многочисленными коридорами и коридорчиками. Около кабинета толпился народ. Молодые веселые лица студентов и студенток невольно напомнили Владимирову о том времени, когда и он сам учился в университете.

В его случае это был факультет психологии одного крупного столичного вуза. Владимиров был отличником, которому профессора прочили блестящую научную карьеру. Однако женившийся на пятом курсе он пошел не в аспирантуру, а на службу в милицию. Выбор был понятен: в те годы страна переживала сложные времена, в результате которых ценность образования оказалась почти утраченной. Хотя и служба в тогдашней милиции также не рассматривалась как сколько-нибудь уважаемое занятие. В милицию из-за кадрового голода его взяли даже без профильного юридического образования. Он получил его потом в университете МВД, но получил с помощью профессиональной переподготовки, уже не испытав особенного вкуса студенческой жизни.

Тогда же в молодости в его положении даже служба в милиции простым опером была куда более прибыльным делом, чем копеечная стипендия аспиранта, чуть увеличенная нищенской зарплатой лаборанта или ассистента на кафедре.

Но все равно каждый раз, когда Владимиров невольно соприкасался с университетскими людьми, ему на память приходила мысль о том, правильно ли он тогда поступил, отказавшись от продолжения учебы.

В деканате ему навстречу вышел несколько полноватый человек с открытым и добрым лицом.

Приветливо и несколько смущенно пожимая майору руку, он представился: «Артур Николаевич, кандидат юридических наук, декан факультета».

– Мы опечалены этим событием, – заговорил декан. – Я немного знал Вячеслава, вел, правда, всего один курс, но помню его. Выразительный молодой человек. Держался чуть особняком. Хорош собой, обаятелен. Его однокурсники всегда в деканат наш посылали, когда было нужно о чем-то договориться…

В последующем разговоре выяснилось, что это практически все, что декан может сказать о своем студенте. Он отметил, что Коромыслов получал дополнительную стипендию как сирота, успеваемость у него была хорошая, общественными делами интересовался, но в лидеры не лез.

При этом из приемной комиссии Артур Николаевич предварительно запросил дело Коромыслова и показал его майору. Дело было тонкое: копия диплома об окончании бакалавриата по специальности «Социальная работа», копия паспорта, медицинские документы, результаты вступительных испытаний, заявление на поступление в магистратуру.

В заявлении, написанном чрезвычайно тонким, убористым почерком, не было указано никаких дополнительных сведений, а в графе «члены семьи» стоял выразительный прочерк.

Мысленно анализируя эти скудные сведения, майор уже хотел попрощаться с деканом, но тот добавил:

– Понимаю, что информации мало, но вы должны понять, у нас на факультете почти 600 студентов, если считать и бакалавриат, и магистратуру. Уж куда мне всех знать. Но ведь Вячеслав учился у нас раньше, только на другой специальности. У них в группе была замечательный куратор Анастасия Александровна Златоревская. Так вот, они с Вячеславом общались достаточно близко. Я ее пригласил сюда. Она должна быть минут через пять. На перемене обещала заглянуть. Мне кажется, она переживает из-за смерти этого молодого человека. Может, ее слова чем-то помогут вам.

Владимиров согласился подождать.

Спустя обещанные пять минут в деканат вошла высокая статная женщина лет сорока пяти. Скромно, но со вкусом одетая, она, несмотря на свой возраст, сохранила женскую привлекательность. Ясные голубые глаза, тонкие черты лица, длинная светло-русая коса – даже майор невольно залюбовался. Он понял, что эта женщина привыкла производить впечатление на мужчин. Однако, несмотря на умение держаться достойно, в ее глазах таилось неподдельное горе. Именно горе, а не печаль или сожаление.

Декан представил Владимирову вошедшую. Это действительно была Златоревская. Из вежливости он даже оставил их с майором в кабинете, заметив, что ему нужно пройтись по университету по каким-то делам.

Оценив такт Артура Николаевича, Владимиров обратился к своей собеседнице:

– Мне сказали, что вы были куратором у Вячеслава Коромыслова, делом которого я занимаюсь.

Златоревская подняла на него глаза, испытывающе разглядывая майора.

– Да, – ответила она. – Слава был одним из лучших моих студентов… И даже моим другом.

Владимирова вдруг осенило. Это же чувства! В ее словах ощущается чувство любви к погибшему. Да, но разница в социальном статусе, в возрасте, наконец. Хотя… Разве Владимирову не знать, сколько всего в жизни людей вертится вокруг внезапно нахлынувших чувств! Как эти переживания меняют само содержание жизни!

– Вы были с ним близки? – неожиданно для себя задал он прямой вопрос.

– Да нет, что вы, – спокойно ответила Златоревская. – Нам это было ни к чему. Я уже не девочка. А у него вся жизнь впереди. Эти прелести он должен был вкусить с другой. Или, наверное, уже вкусил. Мы не переходили черту. Это могло все разрушить. Понимаете, между нами была духовная связь. Глубокая и прочная. Я всегда чувствовала, что он делает, хотя мы могли не общаться неделями. Мне кажется, и он многое понимал. Слава был… Нет. Так не могу, – с болью вздохнула она. – Казалось, все бы отдала, чтобы он вернулся. Чтобы просто жил. И всё. Подождите минутку.

Она вздохнула. Смогла продолжить более сдержанно:

– Мы общались. Переписывались. Перезванивались. Иногда общались за обедом или ужином. Он помогал мне, когда я готовила открытие нашего университетского музея. И еще во многом помогал. Но я поставила общение так, что он сам звонил мне и писал. То есть тогда, когда сам хотел. Мне нужно было просто наблюдать за его жизнью. Быть недалеко. И всё. Понимаете, он развит был чрезвычайно. Внутренне развит. Мать любил и тяжело переживал эту раннюю потерю. А я… Я одна. Без мужа, без детей. Классическая «старая дева» с учеными степенями и званиями. Вот мы и встретились. Поздно, конечно, для меня. Но так уже дано… И даже этому я была рада.

Она еще раз вздохнула.

– Я и не рассказывала об этом никому. О своих чувствах, о Славе. Боялась осуждения или даже зависти со стороны людей, друзей, моих коллег. Но теперь Славы нет. И перед лицом его ухода все теряет свое былое значение, все меркнет, гаснет. И теперь мне совершенно все равно, что обо мне скажут или что подумают. Не могу понять, кто его убил. Он сам не мог. Никогда не смог бы. Это сделал кто-то. Но не чужой. Кто-то близкий. Но я совсем не знаю, кто это, не вижу и не понимаю.

Владимиров молчал, немного потрясенный глубиной ее признания.

– Анастасия Александровна, – обратился он к собеседни-

це, – я в последние два дня слышал много определений личности Вячеслава Коромыслова, и это были разные определения, а каким его видели вы?

Златоревская грустно улыбнулась.

– О, это был романтик. Но романтик, рожденный в наш век, хорошо научившийся скрывать свою душу от людей, укрывшийся под маской карьериста и расчетливого дельца. Из него бы мог получиться великий человек. И как больно, что все это оборвали…

Несмотря на то, что Златоревская знала о погибшем практически все, гораздо больше, чем его друзья, родственники и однокурсники вместе взятые, Владимиров счел нужным их диалог временно прекратить. Он оставил свой номер телефона, взял ее контакты для связи и, вежливо попрощавшись, вышел из кабинета декана.

Глава 5. Мелочные люди

С Левиным он встретился уже во дворе около машины, возле которой чуть не упал, поскользнувшись на заскорузлом мартовском льду.

– Слушай, тут студенческая столовая есть неплохая, мне ее уже рекомендовали, давай зайдем поедим, а то на работе опять загрузят под завязку, – обратился к нему Егор.

В столовой был самый час пик, однако они смогли достать две порции какого-то пюре с двумя тонкими и длинными сосисками.

– В общем, так, – начал Левин, быстро разделавшись с содержимым своей тарелки. – Парень был общительный, успешный, но себе на уме. Из ребят общался в основном с Олегом этим, прямо-таки опекал его, а с девочками со всеми вел себя вежливо. Я так догадался, что многие девчонки были бы не против познакомиться с ним поближе, некоторые даже инициативу проявляли, но он особо на поводу им не шел. Девушки у него постоянно не было. Мутноватый такой товарищ. А кто его траванул – вообще никто себе не представляет. Да и что было его травить – ни с кем не ссорился, никому ничего такого не сделал. А у тебя как?

– Без особых успехов, – отозвался Владимиров. – Пообщался с деканом, с куратором Коромыслова. Общая информация. Как-то тоже особых зацепок нет.

– Ну, раз нет, – вздохнул Левин. – Поехали тогда в отделение. Там сейчас этот дядя должен уже быть.

И действительно, через минут двадцать после того, как Владимиров и Левин вернулись в свой кабинет, дежурный доложил, что к ним пришли посетители. Ими оказались дядя и тетя погибшего Коромыслова. Видимо, дядя Вячеслава решил захватить в отделение еще и свою жену.

Впрочем, когда эта пара переступила порог, Владимиров догадался о причине их совместного прихода. Николай Сергеевич Коромыслов – худой брюнет с несколько помятым лицом – как-то подобострастно смотрел на свою спутницу, женщину средних лет, чуть выше его по росту, с коротко стриженными крашенными рыжими волосами и карими выразительными глазами. Всем своим видом женщина выражала силу и железную волю. Возможно, и в отделение полиции она пришла по своей инициативе, чтобы контролировать все, что будет говорить ее муж о племяннике.

При этом посетительница не смогла скрыть радости от случившегося, которая даже Владимирову в данной ситуации показалась слишком уже бесчеловечной.

– Мы родственники и наследники Коромыслова, – сразу заявила тетя Вячеслава. – Доигрался парень. Говорила я ему, что нужно правильно выбирать себе компанию. Вот они и отравили его. Подлецы эти.

– Простите, кто кого отравил? – спокойно осведомился Владимиров. – Мы с вами в таком учреждении, где принято

отвечать за свои слова. А что касается огульных обвинений, то за них можно даже срок получить.

Супруга Коромыслова бросила на майора пронзительный взгляд, но мысль его поняла. Поджала тонкие губы и замолчала.

Продолжил уже ее муж.

– Вы вызвали меня для разговора, – начал он.

– Да, – отозвался Владимиров. – Вы как родственник погибшего приглашены для опроса. Замечу, пока не для допроса. Меня интересует все, что вы можете сказать о племяннике. Кратко о смерти его матери, о квартире, которая стала яблоком раздора между вами. О ваших отношениях в последние годы.

– Да какие отношения, – резко заметил дядя. – Я Славе всегда отца заменял. Возился с ним, как с родным сыном. И что? Вика поздно его родила. Избаловала. Да и родила от чурки какого-то. И что с него взять, с сына чурки этого.

Слушая своего собеседника, Владимиров отметил, что именно такими он представлял родственников Вячеслава. По всей видимости, хорошие манеры и элементарный такт им были не присущи.

– Давайте перейдем к обстоятельствам того, когда вы стали опекуном Славы. Как вы стали жить в квартире его матери?

– Да я в этой квартире столько всего сделал своими руками! – воскликнул Коромыслов. – Электрику всю сам, сто-

лярные работы, уже после смерти Вики мебель всю сменил, ремонт сделал. Да и как можно было парня в пятнадцать лет одного в квартире оставить? Вот мы все и переехали к нему. Но по совести. Мы ему комнату оставили. А уж своих детей всех троих в одной комнате разместили. И заметьте: в меньшей комнате. А сами стали жить в комнате сестры. Кормили его, поили, одевали, обували. В институт он поступил. Все, как сестра хотела.

– Да, это понятно, но речь идет не о ремонте квартиры и не об образовании Вячеслава. Как получилось, что вы и племянник судились из-за квартиры?

– Да это все этот Старостин. «Богатей» проклятый. Парня против нас настроил. С панталыку сбил. Чем мы Славе мешали в квартире-то? Он в Москве учился, мы в Воскресенске жили. Все хорошо. Нет, надоумил мальчишку: мол, дядя у тебя квартиру отбирает. А кто что отбирал? Я же просто прописался в квартире этой с семьей и все! Да и как можно жить не прописанными. Мы и квартплату платили сами.

– И тем не менее, племянника на его жилплощадь вы не пускали? – вежливо, но твердо спросил Владимиров.

– Конечно, не пускали, – вдруг встрепенулась жена Коромыслова. – Ему же для чего квартира отдельная была за городом нужна? Чтобы девок своих водить! Он же был как Ален Делон! Все девчонки в него влюблялись. Танька, например, моя двоюродная племянница, сколько лет по нему с ума сходила! Да еще девчонок была куча!

– А вы прямо-таки свечку держали, с кем он и как! – неожиданно для себя вмешался в разговор Левин, до той поры молчавший.

Его реплика дала понять Владимирову, что диалог с парочкой невоспитанных родственников нужно завершать.

– Знаете что, – вдруг заметил он, обернувшись к посетительнице. – Я вам дам лист бумаги, а вы напишите имена и фамилии всех девушек, с которыми у вашего племянника были амурные дела. Будем и их опрашивать. И вас потом расспросим, где – правда, а где – прямая клевета.

– Давайте бумагу и ручку. Напишу, – ответила Коромыслова. – А как нас выбросили с детьми из квартиры зимой на мороз из-за этого племянничка, я никогда не забуду. И мне в радость, что нет его теперь. Потому как нет у него никого. И мы с Колей – единственная его родня. Вот родила Викуля себе забаву, но недолго он мир забавил.

– Ладно тебе, Наташа, – вдруг обратился к жене Николай Коромыслов. – Вику хоть не трогай. Сестра все-таки. Парень тоже умер рано. Мы на него, конечно, обижались, что против родни пошел, чужих людей больше слушал. Но все-таки смерти ему не желали.

Между тем Наталья Коромыслова уже написала мелким быстрым почерком несколько имен и фамилий. Машинально положив листок с ее каракулями к себе на стол, Владимиров поспешил распрощаться со своими посетителями.

– Сволочи они, – услышал он слова Левина, когда дверь

за четой Коромысловых затворилась. – Хоть бы вид сделали, что переживают. Такая родня хуже чужих. Будут теперь в его квартирке жить.

Владимиров на его слова промолчал. В эту минуту он неожиданно вспомнил с сожалением о Златоревской, сумевшей увидеть истинную суть личности этого молодого человека, тело которого сейчас лежало в морге.

Глава 6. Новые обстоятельства

Немного успокоившись после визита родственников Вячеслава, Владимиров бегло взглянул на донжуанский список, который составила для него тетушка Коромыслова. Список содержал четыре фамилии, причем у последней фамилии стоял жирный знак вопроса. Начинался список именем и фамилией «Татьяна Токарева».

Татьяна. В этом деле была одна Татьяна. Соседка, однокурсница Николая, которая приходила в тот вечер попросить починить ее компьютер.

Владимиров, вспомнив этот эпизод, отметил про себя, что хотел побеседовать с этой девушкой, но как-то упустил ее из виду.

Посмотрев в материалах дела номер медика-студента Николая, майор позвонил ему. Тот быстро взял трубку. Владимиров уточнил фамилию девушки, с которой ему нужно поговорить, записал ее телефон и координаты. Вежливо попрощался. Соседку звали Татьяной Токаревой. Однако это еще ничего не значило. Мог быть и ложный след. Или даже специально подстроенная ситуация. С этой девушкой нужно было поговорить лично. Не спугнуть, вызвать в отделение.

Размышления Владимирова прервал звонок дежурного. Он доложил, что на имя майора пришло письмо с официальным штемпелем компании мобильной связи. «Это дета-

лизация звонков Коромыслова», – подумал про себя майор. Ответ на его запрос. Он быстро спустился и забрал письмо. Вскрыл его уже в кабинете. Письмо содержало исчерпывающую информацию. Вплоть до имен и фамилий владельцев телефонных номеров, на которые были совершены звонки. В этот день Коромыслов звонил несколько раз Олегу Старостину и два раза дяде Николаю Коромыслову. Причем три раза ему звонил сам Коромыслов-старший.

«Так дядя или эта девушка, якобы влюбленная?», – подумал про себя Владимиров. И как он опять совершил оплошность! Почему в разговоре с дядей он не задал вопроса о том, когда тот в последний раз видел своего племянника или говорил с ним.

Но эту ошибку можно исправить. Причем помочь ему мог как всегда такой нужный Егор.

Левин уже собирался домой, когда Владимиров, показывая распечатку звонков, предложил неожиданно нагрянуть завтра в Воскресенск, чтобы прижать дядюшку Вячеслава к стене вопросом о том, о чем он говорил с племянником в тот злополучный день. Майор предложил коллеге прийти прямо на съемную квартиру Коромыслова-старшего, чей адрес он указал, когда заполнял сегодня документы в отделении.

Левин согласился с этим предложением. У него уже чесались руки с истинным задором бывалого опера хорошенько проучить этого родственника, который произвел на него са-

мое неприятное впечатление.

Таким образом, Левин завтра будет в командировке. Себе же Владимиров оставил более тонкую и сложную работу. Общение с Татьяной Токаревой. Загадочной соседкой Вячеслава Коромыслова.

Глава 7. Догадки и предположения

«Ужель та самая Татьяна?» – с некоторой грустной иронией подумал Владимиров, набирая мобильный телефон девушки. В трубке ему ответил высокий твердый голос. Собеседница майора была вежлива и спокойна и обещала завтра прийти в отделение.

Уже по дороге домой Владимиров думал, правильно ли он поступил, заранее вызвав эту девушку, дав ей таким образом ночь на размышление. Версию Старостина о том, что Вячеслав стал невольной жертвой злоумышленников, которые пытались убить его сына, майор отбросил сразу. Люди такого уровня не травят никого снотворным. Месть родственников, мечтающих о наследстве, тоже плохо укладывалась в рамки реалистичности. Чета Коромысловых могла ненавидеть племянника, желать ему смерти и находиться в этом состоянии сколько угодно долго. Но перейти к убийству они вряд ли осмелились. И если бы осмелились, то убили бы банально в запале семейного скандала: ножом пырнули бы или чем-то тяжелым по голове ударили.

Могла ли это сделать Златоревская? Нет. Она любила этого человека. Своего не искала. Не хотела связывать Вячеслава даже телесной близостью. Для нее он был компенсацией несостоявшейся личной жизни. Глубокой внутренней радостью и болью. Тем более что в душевном общении

они, по всей видимости, друг друга удовлетворяли. А дальше не шли. И, кстати, правильно, что не делали этого.

Олег Старостин-младший. Мог ли он подсыпать другу снотворное, чтобы просто в тот вечер отдать дань своему стремлению к спиртному? Нет. Не тот тип человека. Да и зависел он от Вячеслава. Психологически зависел. Это была постоянная потребность в старшем брате, в няньке, которая всегда придет на помощь в трудную минуту. Нет, Олегу Вячеслав был нужен живой и здоровый.

Но кто же тогда подсыпал ему это лекарство?

«Да, лекарство. А Николай. Он медик. Фармаколог, – вдруг вспомнил Владимиров. – Эта Татьяна, она получается его однокурсница. Но не может ли будущий врач так ошибаться. Тем более, если она была в него влюблена. Не из мести же? Почему тогда?»

Владимиров понимал, что снова мысленно возвращается к этой Татьяне. Она была тем самым последним недостающим звеном в его цепочке человеческих судеб и характеров, которые окружали Вячеслава Коромыслова в последние годы. Но если это не она? Что тогда? Да и, может, не влюблена она была в него вовсе? Или была влюблена когда-то, да все это прошло, быльем проросло. Сломался у нее компьютер. Пришла к мальчишкам, они ничего ей и не починили. Вот и все. И если это не она, то где искать истинного виновника?

Интуитивно Владимиров понимал, что это было какое-то случайное убийство. Убийство не ради убийства, а ради

стремления вызвать определенную реакцию. Но пока истинные мотивы и намерения преступника он понять не мог. Это его и смущало.

И даже дома мысли об этом деле майора не покидали.

Глава 8. Развязка

Утром следующего дня – погожего и по-мартовски солнечного – Владимиров зашел в свой кабинет. Ему доложили, что уже с полчаса его дожидается посетительница. Майор попросил проводить ее.

Дверь отворилась, и та самая Татьяна твердой походкой земной богини вошла вовнутрь.

Что ни говори, но девушка была хороша собой!

Тонкие черты лица, темные вьющиеся волосы, карие внимательные глаза, чуть насмешливо с вызовом смотревшие из-под бровей. Этакая орлица.

Майор вежливо поздоровался.

Но разговор их как-то не клеился. Токарева не отрицала, что знала Коромыслова по Воскресенску, куда ее каждое лето отправляли из шумной Москвы на каникулы к бабушке, знала об обстоятельствах смерти его матери, да и саму Викторию Сергеевну помнила. Она знала о том, с каким трудом Слава смог поступить в столичный вуз, поступал он в пять высших учебных заведений сразу, но никуда толком не прошел и уже в последний момент смог пристроиться на «социальную работу» ввиду малочисленности конкурса на бюджетные места. А вот в Москве соседями они оказались почти случайно. Раньше Коромыслов никогда не бывал у нее дома, адреса не знал, а тут в подъезде встретились. Разговорились.

В итоге она иногда заходила в гости к Славе или Николаю – своему однокурснику.

Понимая, что его собеседница просто так ему ничего не расскажет, Владимиров решил перейти к делу. С этой умной девушкой он выбрал тактику прямого и открытого диалога, понимая, что именно этим можно добиться наибольшего эффекта.

– Простите, что затрагиваю ваши личные чувства, но должен спросить: Слава Коромыслов нравился вам как молодой человек?

– Ну, – Токарева слегка откинулась на спинку стула, – кому он не нравился. Симпатичный был. Многие мои подружки вздыхали о нем.

– А вы?

– И я слегка. Вроде за компанию. Да, в Воскресенске мы гуляли вместе. Разговоры говорили. Представляете, он однажды меня даже от хулиганов защитил.

– Татьяна, а вам его не жалко? Вы уже смирились с его смертью, говорите о нем в прошлом времени.

Владимиров почувствовал, что задел свою собеседницу за живое. Она поморщилась.

– Да. А как это, оказывается, легко. Умер человек. Потеря. Больно. А сама уже говорю о нем в прошедшем. Нет. Славу мне жалко. Очень. Только мне все кажется, что не он это умер. Что кто-то другой вместо него. А домой пойду, и он из своей квартиры выходит, мол, Танечка, здравствуй!

Смешно.

Токарева замолчала.

– Татьяна, а как вы могли ошибиться с лекарством? Вы же фармаколог! Почему доза снотворного оказалась смертельной?

Собеседница майора побелела, как смерть.

– Я не ошиблась, – прошептала она, – я положила всего четыре таблетки. Они по 0,25 грамм, суточная норма один грамм. Он не должен был…

И тут она поняла, что призналась. Лицо ее вдруг из белого стало пунцово-красным.

– Ах вы! – только и сказала она и заплакала.

Владимиров молча ждал, когда она прекратит истерику. Он понял, когда нужно задать этот вопрос, застать врасплох, ему удалось это сделать, однако признание Токаревой его смутило. Она явно не хотела убивать. И, скорее всего, сказала сейчас правду.

Еще всхлипывая, Татьяна продолжила, с какой-то злостью теребя в руках края своего рукава.

– Это был всего лишь «Барбитал». Его еще как «Веронал» продают. Там целая группа названий. Классика. Я его уже давно пью. Хотя есть и другие, лучшие средства. Привыкла. Я вспомнила о лекарстве в последнюю минуту. Понимаете, я была в детстве так в него влюблена, а он не обращал внимания. Совсем. Ну что я, гадкий утенок в свои тринадцать лет. А он меня старше. Ему уже тогда шестна-

дцать было. Красивый. Я как-то все это перенесла, хотя даже отравиться от любви надумала. Этим вот как раз «Барбиталом». Если таблеток пятнадцать махнуть разом – точно уже не проснешься. Но передумала. Мать пожалела. А потом школу закончила, в мед поступила. Жизнь как-то пошла. Кавалеры даже появились.

Она замолчала, как бы собираясь с мыслями.

– А два года назад выхожу из квартиры, а мне навстречу Славка идет. Такой же, как и был, красавец. У меня прямо сердце защемило. Все вспомнилось. А он даже не понял. Узнал, поздоровались. Подумала, может, сейчас я его получу. Я ведь лучше стала гораздо. Нравиться научилась. А он как нарочно на девчонок даже не смотрел, все смеялся, что они его в загс загонят. А у него карьера. Карьерист проклятый. Ведь привыкла уже без него. Нет, появился. Только меня дразнил. Но я, конечно, сдерживалась и с ним, и на людях. А тут с полгода сердце совсем разболелась. Вот, думаю, закончит он сейчас свою магистратуру, уедет с этим Олегом куда подальше, и потом я его вообще не увижу. А он даже никогда не узнает, как я мучилась из-за него.

– И вы решили его отравить?

– Зачем отравить? Травят так вообще-то ядами. Да и не нужен он мне мертвый. Он мне нужен был униженный, чтобы знал, кто кого. Я решила снотворное ему дать для того, чтобы в квартиру свою увести под любым нормальным предлогом. Он в квартире бы моей уснул, а я его в свою по-

стель положила, сама бы легла рядом, а потом под утро ребят бы позвала, чтобы все знали, что не устоял Славка Коромыслов перед моими чарами.

– Ведь вы не одна живете? А родители? – спросил Владимиров, размышляя о тонкостях женской логики и женского ума.

– Что родители? – отозвалась Татьяна, пожимая плечами. – Они уже три года как развелись, а мать в ночные смены часто работает.

– И вы утверждаете, что таблеток было четыре, и это суточная норма, – вновь обратился Владимиров к самому важному в этом допросе вопросу.

– Да, я положила ровно четыре. Подмешала в колу. Он всегда кока-колу обожал. Знала, что ведь всю выпьет.

– А где вы оставили таблетки? Остальные, я имею в виду.

– Да у себя на кухне. На столе. Они у меня всегда в уголке лежат. Мама знает, не берет.

– То есть вы взяли колу и пошли к ребятам в квартиру? Что дальше?

– Да что дальше? – отозвалась Татьяна, к которой, по всей видимости, возвращалось самообладание. – Я пришла туда, позвала Славу и сказала, что прошу его посмотреть мой компьютер хотя бы минут на пятнадцать. Он вроде бы согласился. Я ему уже в коридоре колу протянула. Он сразу открыл, выпил. А потом взял и не пошел со мной… Сказал, завтра. А что завтра? Для него завтра это так и не настало!

– Да, – отозвался Владимиров, – для него завтрашнего дня уже не будет.

– И вы думаете, что это я его убила?! – вдруг возмутилась Токарева. – Да я эти таблетки с тринадцати лет пью. Пока еще жива. Не хотела я его убивать. Да и не смогла бы. Нельзя умереть от такой крошечной дозы.

– Он был пьян, – сухо заметил Владимиров.

– Знаю, – отозвалась Татьяна. – Я потом уже поняла, алкоголь и барбитураты – вещь малосовместимая, но все равно даже при опьянении от четырех таблеток он не мог бы впасть в кому. Даже бы ребенок в кому от такой дозы не впал. А тут парень здоровый. Поэтому хоть вы хитростью и выбили из меня эти показания, но я буду настаивать на своем. Я положила в колу только четыре таблетки.

– Есть вероятность, что на суде вам не поверят, – также сухо заметил Владимиров.

Он недаром сказал про суд, хотел посмотреть на ее реакцию.

Но Татьяна даже бровью не повела. Вот характер-то. Или, правда, вины за собой не чувствует.

– Знаете что, – спокойно продолжил Владимиров. – Я дам вам бумагу. Мой совет: пишите явку с повинной. Укажите, сколько таблеток вы положили, все пишите, как считаете нужным. Я вам не отец и не судья, чтобы разбираться в ваших сердечных делах. Но одно могу сказать: Слава Коромыслов мертв, а мы с вами здесь сидим и ведем светскую

беседу. Поэтому в мои обязанности входит допрашивать вас, даже если вам это кажется неприятным.

И закончив свою тираду, Владимиров протянул своей собеседнице чистый лист бумаги.

Она ближе придвинулась к столу и стала писать. Брови ее чуть приподнялись, все лицо было сосредоточено и как-то трагически красиво.

– Слишком много сильных женщин вокруг этого Горемысла-Вячеслава собралось. Вот и не поделили они его, – подумалось Владимирову.

Между тем его мысль работала интенсивно, как никогда. Очень похоже, что Татьяна говорила правду. Она могла на самом деле положить в колу всего четыре таблетки. Как жалко, что он не эксперт-медик, чтобы точно сказать, способен ли алкоголь и четыре таблетки этого барбитурата довести человека до комы. А может, у парня было что-то вроде аллергии и это усилило смертельный эффект? Сложно понять.

Между тем Татьяна уже закончила свое послание. Она подняла на майора глаза, ее взгляд показался ему рассеянным и встревоженным.

– Что, сама подписала себе приговор? – как-то небрежно произнесла она.

– Почему приговор. Приговор выносит суд. Это не в моей компетенции. Но вы можете идти. Вас потом вызовут.

Татьяна все поняла и, попрощавшись, вежливо удалилась.

Когда дверь за ней закрылась, Владимиров подошел к своему сейфу, где хранил, кроме положенных бумаг, много всякой всячины, и налил себе небольшую рюмку коньяка. Спиртное он не любил. Но иногда нужно было расслабиться. Не «Ново-Пассит» же ему пить. Хотя алкоголиком становиться не хотелось совсем. Так что коньяк он берег. Растягивал, как мог, хотя бы на месяц работы.

И все-таки это был трудный допрос. И вопросы еще остались. Поэтому в радостном волнении к начальству с докладом о раскрытии дела он не побежал. Решил сходить пообедать. Нужно было еще подумать. Да и дождаться Егора. Все-таки он его вчера в Воскресенск отправил.

Глава 9. Нелепость ценою в жизнь

Когда майор вернулся после обеденного перерыва в кабинет, по внутренней связи ему доложили, что его дожидается посетитель. Имя посетителя почти ничего не говорило. Николай Петров. «А, да это же тот Николай, сосед, студент-медик», – догадался Владимиров и попросил проводить посетителя к нему.

Николай не то чтобы вошел, а он прямо-таки вбежал.

Растрепанный, бледный, с нелепо болтавшимся на шее шарфом, он напоминал не двадцатилетнего студента, а какого-то несчастного дворового щенка, которого бросили на произвол судьбы.

– Я знаю, она здесь у вас была и во всем призналась, – сразу же без объяснений начал он. – Так вот, я должен тоже рассказать.

– Хорошо, – спокойно продолжил Владимиров, быстро понимая, что к чему. – Вы можете говорить. Я слушаю.

– Как-то глупо так получилось. Началось все с того, что мы искали квартиру, чтобы снимать в Москве. Да, кажется, так. И я хотел поближе к Тане найти, чтобы видеться с ней чаще. Нашли, квартира на первом этаже, а она на шестом живет. Даже в том же подъезде. Откуда я мог знать, что она с этим Славой знакома была? Да и понял я это сам только недавно. Шли мы с ней по улице. А тут она его увиде-

ла. И как ее подменили. Пока шли, общалась со мной более-менее, а тут только на него смотрит. А мне обидно. Я уж сколько раз хотел Славке сказать, мол, что ты девушку мою уводишь? Но он и не уводил, он так, чисто по-приятельски больше. Уже решил квартиру новую искать, а Слава говорит, куда теперь искать: я жить-то буду только до лета, осталось несколько месяцев. Я и решил потерпеть до лета.

– Что же случилось в тот вечер? – спросил Владимиров.

– Слава с Олегом приехали. Сначала все ничего. Но тут Таня пришла. Не любил я, когда они виделись. Попросила его к ней зайти – компьютер посмотреть. Меня внутри всего передернуло. Я говорю ей, мол, сам сейчас схожу – посмотрю. А она недовольна. Говорю, давай ключи от квартиры. Она дала, а сама все на Славика этого глядит. Я сгоряча поднялся в ее квартиру, к компьютеру даже не подошел. Так обидно мне стало. Вошел на кухню. А там лекарства лежат. Она снотворное принимала. Лучше бы другое выбрала. Нет, все это пила. Я упаковку одну схватил. Думаю, хоть сам выпью таблетки две. Завалюсь спать, чтобы ничего не видеть.

– А как так получилось, что снотворное выпил Слава?

– Да я ему сгоряча в стакан его кинул: решил – уснет, никуда не пойдет.

– А сколько там было таблеток?

– Не помню даже. В упаковке их шесть обычно. Вот я, кажется, все шесть и бухнул туда. Размешал.

– А шесть таблеток – это смертельная доза? – как-то горь-

ко поинтересовался Владимиров.

– Не должен он был умереть! – как-то отчаянно крикнул Николай. – В пределах шести таблеток допустимо! Откуда же мне знать, что Таня ему тоже четыре уже дала. Она сказала мне, что вам в этом призналась. Так десять и получилось. Да еще алкоголь этот.

– Да, – горько и безжалостно отозвался майор, – убили вы все вместе вашего товарища.

– Да не хотел я убивать, – хмуро отозвался Николай. – У меня в детстве собака была дворовая, – вдруг неожиданно продолжил он, – родители не хотели ее в квартире держать, а она на улице уже не жила, забежит в подъезд с людьми и под дверью моей скулит. Так вот мать что придумала: дала мне таблетки и говорит, мол, угости Дружка своего, он поспит немного, а потом мы ему новый домик сделаем – теплый, хороший. Так я своими руками щенка и усыпил. Он так и не проснулся. Его отец потом где-то закопал. А я рыдал аж три дня. До сих пор матери простить не могу предательства такого.

– Значит, вы осознанно Славу убили? – спросил Владимиров.

– Не знаю, – признался Николай. – Почему-то только сейчас про Дружка вспомнил. А убивать не хотел. Просто хотел, чтобы ушел он с моей дороги. Достал просто. Красавец проклятый.

Владимиров понял, что продолжать разговор уже нет

смысла. Ему все стало ясно. Однако нужно было проверить, не выгораживает ли Николай Татьяну. И, протянув Петрову лист бумаги для признания, он набрал номер Токаревой.

– Добрый день, Татьяна, вы дома? – спросил майор. – Скажите, а те лекарства, что у вас на кухне лежат, вы с того дня в руки не брали? Нет? А сколько было таблеток, помните? Оставалось две упаковки? После того, как вы? Ну да, уже после. Хорошо, идите на кухню. Сколько сейчас в коробке лежит? Одна упаковка? Точно? Спасибо. Это все. До свидания.

Судя по голосу, она была удивлена, что не обнаружила целой упаковки. Версия Николая была похожа на правду. «Пазл» соединился окончательно.

И в этот самый момент, когда майор уже подумал о том, что нужно дождаться Егора, чтобы вместе с ним подняться на высокий этаж под светлые очи начальства с докладом о раскрытии дела, в кабинет вошел сам Егор в несколько раздраженном состоянии духа.

– А, ты их все допрашиваешь? – небрежно бросил он, глядя на писавшего заявление о явке с повинной Николая. – А меня послал к этим… Если послал, то давай выбивай ордер на арест. Этот дядя тогда с племянником виделся, поругался, поссорился. Всё по полной программе. И меня он достал!

– Егор Васильевич, – официально начал Владимиров, давая понять коллеге, чтобы тот вел себя сдержаннее. – Я вам

сейчас тоже доложу о результатах моей работы.

Егор, тут же поняв, что его просят вести себя спокойнее, с несколько недовольным видом сел за свой стол и замолчал.

Николай, наконец, написал заявление. Владимиров мельком глянул на него. Почерк был неровный, буквы плясали какой-то заморский танец, но, впрочем, это было уже неважно. Выполнив все необходимые процедуры, холодно попрощавшись с Петровым и дождавшись, когда за посетителем закроется дверь, Владимиров вопросительно посмотрел в сторону Егора.

– И ты хочешь мне сказать, что это сделал этот мальчишка? – спросил уже о кое-чем догадавшийся Егор.

– Давай сначала ты мне все расскажешь, что да как, а потом уж я, – отозвался Владимиров.

Егор начал. Говорил он уже без подробностей, потеряв часть боевого энтузиазма, но суть дела передал. За день до смерти Вячеслав Коромыслов созванивался с дядей и даже встречался с ним по дядиной инициативе из-за того, что кто-то из приятелей Славы распространил по Воскресенску слух о том, что тот якобы собрался материнскую квартиру продавать, чтобы подобрать себе что-нибудь в столице. Дядя просил у племянника отдать ему мебель, которую покупал на свои деньги. Встретились они около часу дня в дешевеньком кафе около университета, где Коромыслов учился. По всей видимости, поссорились. Поругались. Но дядя клялся, что ничего племяннику в еду не подсыпал. Да они

даже не ели, а только выпили только немного спиртного.

– Да не он это, Егор, – отозвался Владимиров и пересказал события прошедшего дня.

– Ну, ты как всегда на коне, майор, – несколько обиженно подвел итог Егор. – А я как всегда понятно в чем. Ты, значит, меня в этот Воскресенск посылаешь, а сам тут великие дела вершишь. Как один не догадался с докладом к начальству побежать?

– А без тебя бы не побежал, капитан, – подбодрил друга Дмитрий. – Не надо забывать, что мы вообще-то работаем вместе. А я так такое количество ошибок в этом деле налепил, что непонятно даже, как оно в итоге раскрылось.

– Раскрылось же, – проворчал Егор. – Ладно, оформляй документы, следователь, и пошли, что ли, по домам. А у нас дело-то выгорело. Надо радоваться, но что-то на душе тошно.

Глава 10. Подводя итоги

На следующий день начальник выслушал доклад Владимирова с удовлетворением. И рекомендовал тут же позвонить Старостину.

– Да, еще, – сказал он. – Старостина можно максимально ввести в курс дела, хотя тайна предварительного следствия – вещь важная, как всегда, основные детали и мотивы преступления, как и имена подозреваемых, конечно, разглашать нельзя. Если я правильно понял, именно он будет заниматься организацией похорон. Родственники отказались. Так что, как видите, принимает участие в судьбе погибшего по полной программе. Позвоните ему.

Уже около собственного кабинета Владимирову подумалось, что все это дело своей нелепостью чем-то напоминает ему какую-то пьесу из школьной программы. В этой пьесе было полпуда любви, и все от нее становились только несчастными. Да и в этой пьесе в финале застрелился герой. Как же она называлась? Кажется, «Чайка» Чехова.

Через пару минут он набирал телефон Старостина. Голос его собеседника был ровен и тверд. Он выслушал краткий рассказ майора и проворчал что-то вроде: «Такого парня погубили, дурни». Затем Старостин спросил:

– А мне ведь адвокат мой только что звонил. Оказывается, Слава завещание оставил. Еще тогда его написал. После

суда с дядей. Завещал свою квартиру А. А. Златоревской. Вы такую не знаете? Я что-то не пойму, кто это?

– Знаю, – отозвался Владимиров. – Это куратор университетской группы. Слава учился у нее на бакалавриате. Кажется, дружил с ней. Приятная женщина бальзаковского возраста.

– Ну да, возможно, я даже понимаю, – ответил его собеседник. – Слава все-таки рано потерял мать. Так дайте тогда телефон этой дамы. Я ее на похороны приглашу. Родственники ведь отказались его хоронить. Спасибо, что хоть дали согласие на погребение в могиле матери. А после похорон я дяде его все расскажу. Расскажу, что наследство они не получат! За что боролись – на то и напоролись.

В глубине души Владимиров был даже рад такому повороту событий. Он обещал скинуть смс-кой телефон Златоревской и вежливо попрощался.

Послесловие

Результаты суда по этому делу были ожидаемы. Николай и Татьяна получили условные сроки. Это был мягкий приговор, все-таки квалифицировано было «причинение смерти по неосторожности», но доказать мотивы убийства, как и предварительный сговор подсудимых, прокурор не смог, да и установить, кто же совершил это преступление, в виду его обстоятельств тоже было сложно. К тому же у ребят были хорошие адвокаты. Отец Николая вообще оказался непростым человеком, похлопотал за сына, где нужно. Нашли и заступники, и покровители. Колонии студенты-медики так и не увидели. Но может оно и к лучшему. Из мест не столько отдаленных многие возвращаются с таким негативным опытом, что ни о каком исправлении говорить не приходится. Остались ли Николай и Татьяна вместе или их жизненные дороги разошлись, Владимиров не знал. Хотя ему казалось, что пережитая ими история вряд ли может укрепить чувство взаимной симпатии.

Постепенно майор, живущий в рутине каждодневных дел, уже стал забывать об этом преступлении, но однажды мартовским утром ему позвонил Старостин и неожиданно пригласил к себе в гости.

– Дмитрий Александрович, приезжайте хоть на немного. У Славы вчера год был. У нас перемены произошли. Поси-

дим, его вспомним. Вы все-таки тогда это дело распутали. Я шофера своего за вами пришлю.

Владимиров подумал и согласился.

Старостин встретил его у калитки загородного дома. Дом был внушительный и говорил о достатке хозяина. Хотя и Старостин выглядел гораздо лучше, чем это было в прошлом году. Он как-то приободрился. Будто бы даже помолодел.

– Я тут шашлычок готовлю в беседке с помощником. Пойдемте, там и поговорим, – позвал он майора.

Беседкой он называл красивое каменное сооружение с кованными из железа украшениями, которое стояло неподалеку. Внутри было тепло и приятно пахло свежеприготовленным мясом.

– Ну что нам, мужикам, нужно! – воскликнул Старостин. – Угощение на все времена! А вы ведь тогда, Дмитрий Александрович, мою судьбу устроили. И Слава опять помог. Хоть уже и приказал всем нам долго жить! Эх, славный был парень.

Увидев недоумение на лице майора, Старостин продолжил.

– Это вы мне телефон Анастасии Александровны дали. Помните. А когда она на похороны пришла, я сразу ее увидел. Горе у нее было неподдельное. Искреннее. Понял, что одинокая она. Детей нет. Так она горевала о Славе, как о сыне. Да и с завещанием этим. Дядя, как узнал, чуть не убил

ее. У работы ее караулил, жена его скандалы ей закатывала. Она, бедная, от наследства хотела уже отказаться. Но я вмешался. Адвоката своего делом этим занял, ей даже охрану на некоторое время нанял. Ну и родственников успокоил. Дядя хотел в суд подавать. Но нашлись нужные методы. И нужные люди. Оформили мы на нее эту квартиру. А тут уж я, честно признаюсь, влюбился. Стал ухаживать. Сделал предложение. А она не отказала. Вот так вы со Славою мою судьбу и устроили. А я ведь, когда развелся с матерью Олега, на женщин прямо смотреть не мог. Но все отошло. Да и перед Олегом я виноват. Матери его лишил сознательно. Тогда я работал много. Разбогател. А когда узнал, что жена мне изменяет, чуть не убил ее. Развелся, денег ей дал взамен на обещание, что с сыном видеться не будет. Навсегда исчезнет из нашей с ним жизни. Обещание она свое сдержала. Но сам я только сейчас понимаю, что не надо было так. Мать ему была нужна. Ну да ладно… Что уж теперь…

Владимиров молча слушал своего собеседника, размышляя над его словами.

– Да, – продолжал Старостин. – И дела мои с бизнесом как-то разрешились благополучно. Но самое главное, что Олег, слава Богу, за голову взялся. У него девушка в положении, хотят через месяц свадьбу играть. А Светлана хорошая, волевая. Если удержит его в руках, считай, что ее счастье. Так что скоро стану дедом, – подытожил он.

Владимиров, наблюдая за своим собеседником, вдруг по-

думал о том, что зря молодые люди в двадцать лет так убиваются из-за несчастной любви. Многим из них кажется, что после тридцати лет жизнь кончается. А у кого-то, как у Олега Ивановича Старостина, она в шестьдесят только начинается. Так что надо жить хотя бы потому, что никогда не знаешь, что тебя ждет за новым поворотом.

– Заговорил я вас, – как бы отозвался на его мысли Старостин. – Пойдемте ко мне в дом, там жена, Олег должен скоро со Светой приехать.

И вдвоем с Олегом Ивановичем они направились по расчищенной от снега дорожке к светящимся в сумраке вечера окнам его дома.

«А все-таки, – решил про себя Владимиров, – в этой истории действительно оказалось „пять пудов любви“. Но самое главное, что хоть кому-то эта любовь смогла принести счастье. Счастье, которое уж точно ни за какие деньги не купишь».

3. Собиратели слонов

Многие наши современники мечтают о богатой жизни, проводимой в комфорте и в удовольствиях. Но как достичь желаемого? Находятся люди, готовые в погоне за высоким достатком совершить преступление. Но принесет ли им это долгожданное обогащение? Смогут ли они избежать наказания?

Рассказ «Собиратели слонов» третий в ряду цикла «Дыхание мегаполиса». Главным героем его является следователь Дмитрий Владимиров, которому в этот раз предстоит найти человека, совершившего дерзкое ограбление инкассаторов.

Глава 1. Тревожное утро

На службу Владимиров опаздывал. Не из-за пробок.

Добираться до работы он старался на метро, так как это был самый быстрый вид транспорта в утренней сутолоке будней многомиллионного города. К тому же в метро он занимался своим любимым делом – наблюдал за людьми. Только в столичной подземке можно было увидеть такое разнообразие человеческих лиц, их выражений, образов внешности, типов и видов поведения. Поэтому он не читал, не смотрел видео на планшете или на телефоне и даже не слушал музыку. Он смотрел по сторонам, думал, анализировал и просто жил в этой разноликой людской толпе.

Дмитрий был москвичом во втором поколении, он вырос в этом городе и привык к нему, хотя часто его тянуло подальше от бесконечного шума и суеты. Но он сумел приспособиться к московскому быту и сутолоке, потому что человек умеет приспосабливаться ко всему.

Его родители были родом из провинции. Оба они в свое время приехали в столицу учиться. Мама – в консерваторию, а отец – в университет на биофак. Встретились на какой-то студенческой вечеринке. Завязались отношения, результат которых не замедлил себя ждать. Их сын появился на свет в первой половине 70-х годов, когда социализм еще казался достижимой мечтой, а с экранов телевизоров к гражда-

нам необъятной Родины обращался мягким баритоном Леонид Брежнев. Эпоху перемен Дмитрий застал подростком и хорошо ее запомнил: и надежды, которые страна возлагала на нового энергичного генсека Горбачева, и веру в лучшее будущее «в мире со всем миром», и трагическую развязку, которая ознаменовалась крушением СССР.

Родители его переживали произошедшее в стране непросто и к тому моменту каждый уже по отдельности. Их развод совпал с периодом юности Дмитрия и дался ему нелегко. В повторные браки они не вступили. И сын жил с каждым фактически по очереди, ночуя то в их квартире с матерью, то в университетском общежитии отца, который так до конца жизни и не смог больше ни получить, ни купить себе отдельное жилье. Мама пропадала в музыкальном училище, подрабатывая в музыкальной школе, а отец, раньше такой энергичный, совсем сдался на волю обстоятельств, наблюдая за уничтожением науки и образования, которое в стране в те годы велось с какой-то чудовищной планомерностью.

Матери было все-таки легче, она давала частные уроки, выступала на концертах, и вместе с сыном они сводили концы с концами. К тому же мать была безудержной оптимисткой и всегда надеялась на что-то лучшее.

А отец, как человек наблюдательный, деятельный и умный, просто погибал от собственного бессилия перед изменившимися обстоятельствами. Его угнетала даже ни нищенская зарплата вузовского доцента, ни разграбление и уничто-

жение научного потенциала страны и последовавшее за ним массовое бегство ученых за границу в поисках лучшей доли. Поражало, как его коллеги – люди, которые еще вчера рассуждали о нравственности и высоких ценностях, уже сегодня превратились в беспринципных дельцов, создающих коррупционные схемы поступления в вузы, при которых на студенческой скамье престижных университетов оказывались не самые способные и талантливые выпускники школ, а самые пронырливые и богатые, сумевшие найти нужные связи и дать, кому требуется, «на лапу».

Отец был сознательным атеистом и последовательным гуманистом и не мог примириться с тем, что его окружало. Единственное утешение он находил в алкоголе и в вечерних разговорах по душам с сыном. Дмитрий старался как можно чаще бывать у отца, так как это несколько ограничивало его тягу к спиртному. Но все равно отец постепенно опускался: даже в университет позволял себе ходить небритым и неряшливым. Весь холодный сезон года носил какую-то выцветшую от времени куртку и старую меховую шапку. В теплое время одевался не лучше. Дошло до того, что прохожие начали его сторониться, принимая за бездомного. Университетское начальство уже подумывало уволить незадачливого биолога, но болезнь – скоротечная форма рака – опередила их планы. Отец сгорел за пять месяцев. И, умирая с какой-то горькой обидой на несостоявшуюся жизнь, он так и остался верен своим убеждениям.

Дмитрию тогда едва исполнилось 22 года. Он собирался жениться, и смерть отца произвела на него тягостное впечатление. Горе от потери, чувство вины и боли за все произошедшее с отцом, за происходящее в стране не покидали его. Это был мучительный поиск смысла, который Владимиров ясно осознавал как важнейший в его жизни экзистенциональный кризис. Он как психолог понимал и причины этого кризиса, и его возможные последствия. Но не только психология волновала его. Он понимал, что тайно надеется на встречу с другим Отцом. Не просто с его несчастным добрым земным родителем, а Отцом всех людей – Отцом Небесным. И он – молодой человек, выросший в атеистической семье, где всегда ценили науку и искусство, но пренебрежительно относились к религии как давно пережитому заблуждению человечества, – понял, что без веры он как личность погибнет.

Эта мысль тогда ошеломила его и привела к глубокой убежденности в верности евангельских истин. Дмитрий абсолютно не напоказ, как-то глубоко внутренне стал верующим человеком. И хотя он не так часто бывал в церкви, но когда приходил туда, понимал, что там его настоящий дом. Жена поддерживала его, хотя они редко обсуждали эти вопросы. Ее религиозность тоже была закрытой, внутренней, что было свойственно ее глубокой и тонкой натуре. Хотя ему иногда интуитивно казалось, они оба находились еще в начале очень долгого пути, всех обстоятельств которого до сих

пор до конца не знали.

И в тот трудный для Дмитрия жизненный момент, сопряженный со смертью отца, окончанием университета и определением профессионального пути, ему помог человек, который встретился практически случайно.

После вуза, отказавшись от аспирантуры, возможно, не только из-за необходимости зарабатывать себе на жизнь, но и из-за нежелания повторять судьбу отца, Владимиров попал работать в милицию. В те годы эта структура тоже переживала непростые времена. Государева служба не ценилась, да и само единое государство – Российская Федерация, образовавшееся после разрушения СССР, было раздираемо множеством проблем: от экономического и бандитского беспредела до войны в Чечне и террористических угроз. Но именно в милиции Владимиров познакомился с Иваном Степановичем Самариным, который стал его непосредственным начальником и добрым покровителем на долгие годы.

Иван Степанович по-своему был фигурой выдающейся. Ребенком пережив послевоенный голод и крайнюю нужду, он не только не озлобился, но, казалось, наоборот, закалился в своей любви к людям и стремлении помогать им и словом, и делом. При этом за годы службы он выработал у себя поистине стальной характер человека умного и принципиального, умеющего понимать каждого из своих подчиненных и находить к каждому свой подход.

Владимиров, придя к нему в отдел простым опером, за-

стал его еще бодрым и физически крепким, несмотря ни на что не собирающимся сдаваться ни на волю обстоятельств, ни на волю начальства. А Иван Степанович молодого лейтенанта быстро приметил. «Ты, Дима, служи, психологи в нашем деле нужны, а образование юридическое получишь, условия мы тебе создадим», – говорил он, обращаясь к нему с чуть лукавой усмешкой.

У Ивана Степановича слова не расходились с делом: через год после поступления Владимирова на службу в милицию он выбил у начальства направление для него в вуз МВД, где Дмитрий без труда смог пройти профессиональную переподготовку по юридической специальности. Так, знания законов легли уже на прочный опыт изучения сложного психического устройства людей.

В те годы Владимиров служил как-то вопреки тому, что видел вокруг себя. Просто служил своему делу, людям, не ища теневых схем личного обогащения за счет своего должностного положения.

Как-то вечером, засидевшись на работе за бумагами, они разговорились с Иваном Степановичем. И его начальник, как бы озвучивая свою давнюю мысль, заметил:

– В трудное время, ребята, приходится жить вам – молодым. Соблазнов очень много. И деньги, деньги. Рассматривают деньги как мерило всего. А разве они главное? Они лишь инструмент для жизни. А людей ломает… И у нас на службе всё так непросто. Много соблазнившихся этими деньгами.

И заметь, бандитскими деньгами. Уже априори замешанными на крови и преступлениях.

– Так что же делать, Иван Степанович? – усмехнулся Владимиров. – Тоже идти к бандитам и брать у них деньги?

– Зачем? – отозвался Самарин. – Ты их денег не бери. Даже если очень захочется. Целее будешь. Ты знаешь, держись по жизни за хороших людей. За тех, которые перед соблазнами устояли. Такие люди в наше время на вес золота. Они крепкие, испытанные. И они есть. Есть честные врачи и милиционеры, учителя и даже чиновники. Во всяком месте можно встретить человека, живущего по совести. За них и держись. Глядишь, и сам таким станешь.

И Владимиров надолго запомнил этот разговор.

А жизнь тогда складывалась непросто. После свадьбы они с женой даже подумать боялись о детях, понимая, что финансово их просто не потянут. Жить стали вместе с матерью Дмитрия, которая, несмотря на свойственное ей добродушие, появление невестки в доме восприняла болезненно. Обстановка в квартире складывалась напряженная. Свое отдельное жилье казалось просто несбыточной мечтой. И тогда мать приняла одно из самых непростых в своей жизни решений: она уехала работать за границу, благо профессия ей это позволяла. Контракт ей помог заключить ее бывший ученик, отправившийся во Францию еще в конце 80-х годов и сумевший стать там преподавателем провинциального музыкального колледжа. Мать последовала его примеру

и смогла состояться на этом поприще. Прожив за границей лет десять, она неожиданно вышла замуж за одного из своих коллег. Но теперь, уже оставив работу и получая небольшую по французским меркам пенсию, наряду с совершенно незначительной пенсией российской, мать вдруг затосковала по родным местам и стала часто в разговорах с сыном упоминать о желании вернуться на родину.

Вот и сегодня в ранний утренний час она неожиданно позвонила по скайпу и стала долго объяснять, что беседует с Шарлем, уговаривает его продать дом и переехать в Россию, Шарль пока не согласен, но, может быть, она сможет… Мать говорила долго и сбивчиво. Слушая ее и понимая, что он уже опаздывает на работу, Дмитрий думал о том, что вряд ли ей удастся заставить отчима переехать. Он понимал причину ее тоски, но при этом осознавал, что у него не хватит средств купить для матери отдельное жилье даже в Подмосковье, а жить впятером в небольшой двушке они просто не смогут.

Брать жилье в ипотеку он не хотел. Кредит казался невозможным даже не из-за того, что его жена работала на скромной должности психолога в детском саду, и вдвоем они содержали двух детей младшего и старшего подросткового возраста. Кредит был зависимостью: и материальной, и психологической. Владимиров искренне боялся сорваться: в какой-то момент не выдержать и, соблазнившись чужими деньгами, потерять профессиональную совесть. Много лет до се-

годняшнего дня ему удавалось не жить в долг, но теперь обстоятельства требовали от него новых серьезных решений.

Поэтому сегодня из дома Владимиров вышел поздно. Позвонил на работу и предупредил, что опоздает.

Глава 2. Неожиданное дело

На работе в их общем с Левиным кабинете Владимиров встретил гостя, мирно беседующего с Егором. Гостем оказался тот самый Иван Степанович Самарин. Владимиров искренне обрадовался этой встрече. Иван Степанович давно был пенсионером. Но иногда заглядывал в кабинет своего бывшего подчиненного.

– Майор Владимиров, а у меня к вам дело! – легко и непринужденно начал Самарин.

Обращение на «вы» использовалось Самариным по отношению к нему редко. Владимиров прислушался.

– Думаю, в командировку вас уговорить съездить. На недельку. Человеку одному хорошему помочь.

– Да как скажите, Иван Степанович, – отозвался Владимиров. – Всегда рад помочь. А что за командировка и куда?

– Недалеко. В Балашиху. Там мой товарищ в начальниках. За всю полицию города отвечает. Александр Иванович Семенов. Не слышал?

Владимиров покачал головой.

– Мужик хороший. Уже в летах, но не так, чтобы уже сдаваться на пенсию, – засмеялся Самарин. – Еще воевать готов. Так вот, у него там кража крупная. Инкассаторскую машину ограбили. Причем ограбил один из сотрудников. Информация в СМИ просочилась. Все-таки не каждый день

такое случается в Балашихе-то! Журналисты расписали все в красках, будто не в России-матушке, а в Америке какой живем. С погонями и стрельбою. Да там и не было ни погони, ни стрельбы. Но начальство взяло дело на карандаш. Требуют от Александра Ивановича скорых результатов. Раскрытия. А ему, как ты понимаешь, пока похвастаться нечем. Ребята его там, конечно, землю роют. Но они все криминалисты, юристы. А тут дело какое-то тонкое. Им психолог нужен. Кто-то вроде тебя. Там натуру нужно понять человеческую. Кто взял, почему взял, куда сбежал с деньгами такими.

Владимиров слушал Самарина внимательно, понимая суть его просьбы.

– Иван Степанович, – вмешался Егор. – А денег-то взяли много?

– Денег-то. Ну как тебе сказать. Взяли 25 миллионов с копейками. Рублей, конечно. Не в Лас-Вегасе казино брали, чтобы «зеленые» кругом разбрасывать. Но сумма тоже немалая. Причем редкая для этого города, чтобы сразу 25 миллионов. То есть, скорее всего, преступление планировалось давно. Просто случай удобный подвернулся.

– Иван Степанович, я согласен, – сказал Владимиров. – А с начальством моим как? Мне подняться с докладом?

– Зачем? Тебе не нужно, сам прогуляюсь на верхний этаж, – отозвался Самарин. – Мне бы и Егора с тобой уговорить, но начальник двоих уже не отпустит. Так что спасибо тебе. Сейчас наверх и еще загляну. Все детали, что знаю,

перескажу.

Самарин вернулся в кабинет минут через пятнадцать. Действительно, постарался рассказать об этом деле все, что знал. Преступление совершил Михаил Серов. Не судимый, разведенный инкассатор тридцати восьми лет. В этот день – трое суток назад – к вечеру у инкассаторов накопилось 25 миллионов. Сумма должна была быть меньшей, но один из банков, который должен был принять деньги днем, не сделал это по техническим причинам. Деньги остались у инкассаторов в машине. К ним прибавилась еще сумма за вечерний объезд.

Грабитель был в этот день на службе вместе с водителем и своим напарником. Действовал он приблизительно так: в 18:45 машина свернула на малолюдное шоссе вдоль лесополосы, еще через 20 минут связь с ней была потеряна. На их розыск через 30 минут была отправлена полиция. Поиск затруднялся проливным дождем, который обычен для начала октября. В итоге из-за дождя, размытых проселочных дорог и темного времени суток машину удалось обнаружить только ночью, вернее, в 3 часа утра. В ней находились водитель и напарник Серова. Оба в наручниках и под действием сильного снотворного наркотического плана. Но живые. Они пришли в себя в больнице спустя часа три. Сейчас их проверяют на соучастие. Сам Серов пропал вместе с деньгами. Уже на утро его объявили в розыск. Дали приметы. Проверяли и проверяют вокзалы и аэропорты. Но он нигде не объявлял-

ся. Мог, конечно, сбежать еще ночью по поддельным документам. Мог затаиться и лечь куда-нибудь на дно.

История Владимирову была понятна. Было ясно, что от него ждет Самарин. Он должен был съездить в Балашиху, опросить всех свидетелей и взглядом нового человека увидеть эту ситуацию под своим углом зрения. Общаться он должен был непосредственно с Александром Ивановичем и только ему докладывать о результатах своих наблюдений.

Но дело было непростое, да и времени прошло много. Поэтому Владимиров мало надеялся на успех. Но отказать Самарину он не мог. Да и ничем особенным не рисковал. Поэтому решил сделать все, что было в его силах.

Глава 3. Тихий городок

Подмосковная Балашиха, в которой Владимиров раньше бывал только проездом, неожиданно произвела на него положительное впечатление.

Городок, окруженный лесными посадками, казался приветливым и пригожим. Уже как два дня установилась тихая солнечная погода, которая часто радует жителей средней полосы России в начале октября. Золото листвы, небесная высота, мягкий солнечный свет навевали добрые размышления. Все это не вязалось с целью приезда майора. Разве в таких местах могут совершаться преступления?

Первым делом Владимиров отправился в отделение полиции. Там его встретили как дорогого гостя. Угостили чаем и пирогами с яблоками, проводили до скромной гостиницы и всячески помогли обустроиться. Спустя тридцать минут он был уже в кабинете Александра Ивановича Семенова.

Александр Иванович – немолодой полноватый человек лет пятидесяти – встретил гостя радушно, несмотря на то, что казался усталым.

– Да, помню, пообещал мне Иван Степанович специалиста хорошего прислать по части психологии. Мне как раз такой сейчас нужен. Дело запутанное, и нужно в нем разобраться. У меня ребята грамотные, но больше как сыскари, а мне сейчас другое нужно. Давай тогда сразу к делу перей-

дем.

И Семенов кратко и достаточно емко изложил Владимирову факты по делу.

Подозреваемый действовал приблизительно так: в 18:40 он, сидя рядом с водителем по дороге к банку, прыснул ему в лицо баллончиком с газом, водитель потерял на секунду возможность управлять машиной, Серов подхватил руль и быстро свернул на обочину. Машину остановил и мгновенно сделал водителю укол с инъекцией наркотического вещества, обладающего снотворным эффектом. Сказав своему напарнику, что водителю стало плохо, он вызвал его из машины, тот вышел и оказался усыпленным тем же способом. Одев на руки товарищей наручники, Серов перетащил их в салон машины. Забрал средства связи, закрыл задние двери и отогнал машину подальше в лесополосу. Дальше он вместе с мешком с деньгами вышел на трассу. Скорее всего, его подхватил проезжающий автомобиль, но куда он поехал, остается до сих пор неизвестным.

И это был центральный вопрос, на который должно было найти ответ предварительное следствие. Серов имел возможность сбежать с деньгами, и искать его тогда было бы нужно в других регионах страны или даже за границей. Но он же мог затаиться здесь, в Балашихе, в Москве или в области. При этом надеяться на то, что всплывут деньги, похищенные им, не стоило. Деньги были не из банка, а из магазинов и прочих торговых точек, поэтому номера купюр по-

лиция узнать не смогла.

К настоящему времени был произведен обыск в общежитии гостиничного типа, квартиру в котором снимал Серов. Обыск дал немногое: обнаружили только самые простые личные вещи. Обстановка в квартире, представлявшей собой комнату в 7 метров с санузлом и электрической плитой, была прямо-таки спартанская: кровать, стол, стул, старый шкаф. Даже холодильника и телевизора не оказалось. Соседи в день преступления Серова не видели, да и вообще о нем сказать практические ничего не могли. Также был произведен обыск в доме его бывшей жены. Правда, здесь пришлось действовать с определенной деликатностью, так как супруги уже год как находились в разводе, тем более что хозяйка дома незваным гостям была не рада. У Серовой оказалось алиби – весь день она провела на работе, женщина указала, что с мужем не общается, получая от него по почте алименты на двух несовершеннолетних детей. Дом свой осмотреть позволила, однако долго терпеть присутствие полиции не захотела, провоцировала скандал и угрожала жалобой в вышестоящие инстанции. Родственников у Серова в Балашихе больше не было. Его родители умерли, старшая сестра жила в Новосибирске, с ней связались, но она пояснила, что брата не видела около трех лет и все это время с ним не общалась.

Что касается сообщников, то их также определить не смогли. Под подозрение попали коллеги Серова – те са-

мые водитель и напарник, однако вина их была косвенная, и доказать ее не удалось.

При этом удалось установить, что у Серова образовалась большая кредитная задолженность. Кредиты под свое имя он начал брать лет пять назад. С выплатами справлялся, однако уже с полгода не платил. Общая сумма задолженности с непогашенными процентами и пеней составила около 2,5 миллионов рублей.

Также специалисты смогли определить, что проблемы, которые привели к тому, что в банке не смогли принять у инкассаторов в дневное время 16 миллионов рублей, были вызваны сбоем в работе технической системы. Такие сбои случались и раньше. В этом месяце это был уже второй случай. По всей видимости, грабитель заранее планировал совершить преступление, используя это обстоятельство.

Семенов признавал, что на сегодняшний момент следствие зашло в тупик. Выход ему виделся в тщательном изучении личности самого подозреваемого. Именно в этом вопросе он и искал помощи Владимирова.

– Думается мне, – подвел итоги Семенов, – что вам следует пообщаться с сослуживцами этого Серова. Да, забыл сказать, что он подался в инкассаторы относительно недавно. По профессии повар, работал в нескольких наших кафе, потом в ресторане. Два года назад резко сменил профессию – ушел в охранники, а оттуда, аттестовавшись, – в инкассаторы. Он в армии служил в десантных войсках, все характе-

ристики оттуда были отличные, владел оружием, навыками рукопашного боя и прочее, вот его и взяли. Ну и вроде еще попросил за него кто-то. Сейчас этот вопрос мы выясняем, был ли факт устройства на работу по знакомству и чем он был обусловлен. Поэтому, думаю, общаться нужно не только с коллегами по последней работе, но и со всеми остальными. Даже с работниками этих кафе. Копию армейского личного дела мне прислали. Я вам дам с ней ознакомиться. Также можно посетить бывшую супругу, хотя с ней общаться непросто. То есть задействовать по максимуму весь круг знакомых Серова.

– Александр Иванович, – обратился Владимиров к Семенову, – не был ли вашими людьми установлен факт того, что подозреваемый пользовался социальными сетями? Можно ли под его реальной фамилией найти его аккаунт? Было бы интересно почитать посты, посмотреть записи, фото.

– Мысль дельная, – согласился Семенов. – У нас есть человек по этой части. Я отдам распоряжение, чтобы он вам помог. Ну а вы свою задачу, как вижу, поняли. Обо всех результатах докладывать мне лично. Если что – мои прямые контакты у вас есть.

Владимиров кивнул в знак согласия. Уже выходя из кабинета, он подумал о том, что начать работу нужно с виртуального знакомства с Серовым, и направился в небольшой кабинет, где его встретил молодой оперуполномоченный, отвечавший за работу в социальных сетях и прочих коммуни-

кациях.

Вместе они просмотрели все социальные сети и нашли аккаунт Михаила Серова «ВКонтакте». Впрочем, сам аккаунт создали лет тринадцать назад, когда эта социальная сеть была особенно популярна. Аккаунт был самым обычным. Входил в него подозреваемый за два дня до совершения преступления. Тематика редких постов и многочисленных перепостов была связана с темами приготовления пищи, охоты и рыбалки, шуточных высказываний, красочных картинок с нехитрыми житейскими афоризмами. Стандартная страница в социальной сети городского жителя тридцати-сорока лет. При этом среди старых фотографий Владимиров нашел многочисленные семейные фото. Вот вся семья на отдыхе на природе. Фотоаппарат запечатлел довольного Михаила, держащего в руках большую рыбину. Рядом с ним его жена – темноволосая женщина небольшого роста – и двое еще маленьких сыновей трех и пяти лет. Было здесь даже несколько фотографий со свадьбы. На них можно было увидеть довольного жениха, с трудом втиснувшегося в рамки парадного темно-серого костюма, и весьма симпатичную невесту в красивом и пышном платье с вплетенными в прическу живыми цветами. Дальше шли обычные фото встречи младенцев из родительного дома, первые шаги детей, их праздники, утренники, выпускные. В целом страница рассказывала о жизни человека законопослушного и семейного. Сцен насилия, неприятных картинок или двусмысленных выска-

зываний представлено не было. Не было и культа силы, позиционирования оружия, пропаганды националистических группировок, сект или чего-то в этом роде. Интересно, что аккаунт не содержал сведений о месте работы и образовании Михаила, при этом в качестве семейного положения его создатель оставил строчку «женат».

Внимательно изучив всю информацию страницы, Владимиров еще раз остановился на фотографиях. На них был изображен немного грузный человек с массивными чертами лица, с карими глазами, смотревшими несколько вбок зрителя, и коротко стрижеными волосами, открывавшими широкий лоб.

Майор не спешил с выводами, но краткое впечатление от знакомства со своим подопечным он уже составил.

Пока они с лейтенантом изучали аккаунт подозреваемого, принесли обещанную Семеновым копию личного дела Серова, оставшуюся со времен его службы в армии. При изучении материалов этого дела – безликого, с шаблонными формулировками и характеристиками, Владимиров все же смог найти фразу, которая ему запомнилась: «Служебные обязанности выполняет старательно, с сослуживцами ведет себя воспитанно, сдержано, но поддается их влиянию».

«Поддается влиянию… Значит, зависимый тип личности», – подумалось Владимирову.

Однако это нужно было еще проверить.

Глава 4. Неудачливый повар

«Что заставило этого человека изменить свою профессию?» – размышлял Владимиров, выходя из отделения полиции и направляясь по адресам кафе, в которых когда-то работал Михаил Серов.

Город был небольшим, сами кафе располагались недалеко друг от друга, поэтому майор решил пройтись в погожий день пешком, а заодно и пообедать где-нибудь неподалеку.

Первое кафе производило впечатление несколько затрапезного учреждения, расположившегося на первом этаже жилого дома. Называлось оно «У Семеныча». На яркой вывеске помимо названия красовались два дымящихся блюда – первое и второе – и выразительный шашлык.

Внешнее убранство кафе было ярким и отчасти безвкусным: тяжелые золотые гардины на окнах сочетались со стилизованными под кирпичную кладку стенами и висящими на них полулубочными картинами.

Владимиров сел за столик. К нему через несколько минут подошла официантка лет сорока. Майор сделал небольшой заказ и с легкой улыбкой заметил:

– Я в вашем городе в командировке. Думал, самое тихое место в Подмосковье. А вас уже в который раз в новостях показывают.

– Да, – отозвалась женщина, – знаем, у нас же ограбление

произошло. Денег очень много украли.

– Говорят, что украл свой, инкассатор, даже работал тут поваром, – подхватил Владимиров.

– Да он у нас и работал, – со вздохом отозвалась женщина. – Это Миша Серов. Кто бы мог подумать! А человек был тихий, шума не любил и дело свое знал.

– Да, мир-то как тесен, – заметил Владимиров. – А что, по нему было видно, что он вор?

Женщина замялась и вдруг спросила:

– А вы что о нем все спрашиваете, неужели тоже розыск ведете?

– Веду, – спокойно отозвался Владимиров. – И знаю, что никого из сотрудников вашего кафе еще не опрашивали. Вызывать в отделение мы никого не стали. Я к вам сам пришел поговорить. Нужно собрать минут на пятнадцать всех тех сотрудников, которые Серова знали. Пусть подумают, расскажут мне, кто он, что. Желательно без утайки. Я тогда поем, а после к вам зайду.

Женщина кивнула. Минут через десять она принесла заказ. Аккуратно поставила его на стол, вежливо пожелала приятного аппетита и молча удалилась.

Еще минут через семь, когда майор уже допивал чашку крепкого чая, к его столику подошел полноватый мужчина лет пятидесяти, как выяснилось, хозяин этого кафе.

– Леонид Семенович, – представился он.

Леонид Семенович начал с того, что, извиняясь, попросил

посмотреть документы Владимирова. Увидев удостоверение столичного майора, он сразу же стал подчеркнуто внимателен: предложил угощение за счет заведения, свою помощь и всяческое расположение.

От угощения Владимиров отказался, попросив дать ему возможность расспросить сотрудников кафе, которые работали с Серовым. Хозяин согласился и провел его через боковую дверь в служебное помещение.

Оказавшись в коридоре со стертым линолеумом и потрескавшейся на стенах керамической плиткой, Владимиров подумал, что дела у хозяина кафе идут не совсем удачно. А тот, не обращая ни на что внимания, вел себя совершенно естественно, своими разговорами пытаясь произвести положительное впечатление.

– Я и сам Михаила помню. Повар он был хороший. Готовил вкусно и экономно. На работу не опаздывал. Не воровал. Может, что и брал, но так, что даже я не замечал. А я умею все подмечать.

– А почему он от вас ушел? Что-то личное или куда еще позвали?

– Не думаю, что личное. Скорее, позвали. Он, видите ли, все искал, чтобы денег побольше. Они тогда, кажется, с женой строительство дома затеяли. Не хватало, конечно. Дети у него еще. Тогда совсем маленькие были. Он у меня с утра до вечера работал. Часто и без выходных. За других выходил. А пробыл он у нас года четыре. И ничего по-серьезному

плохого сказать о нем не могу.

– А мелкое что сказать можете? – понял его мысль Владимиров.

– Ну мелкое оно у всех. Под конец мошенничать пытался. Один продукт более дешевый стал другим заменять, более дорогим. Думал, что я не замечу. Но конфликта при увольнении у нас не было.

Владимиров понял, что узнал от хозяина почти все. И обратился к стоящим поодаль нескольким людям. Это была официантка, с которой он уже бегло познакомился, немолодой мужчина в поварской одежде и еще одна молодая девушка, видимо, тоже из официанток.

– Это все ваши сотрудники, которые знали Серова? – спросил он у хозяина.

– Да, все. Есть, правда, еще один, но он сейчас выходной. Впрочем, Серов особенно ни с кем не дружил, поэтому вряд ли он расскажет вам больше, чем другие.

Люди, собравшиеся рядом, напряженно молчали. Владимиров понял, что лучше всего будет попросить у хозяина разрешения куда-нибудь присесть и поговорить.

Оказалось, что в подсобных помещениях кафе просто негде сидеть: рачительный Леонид Семенович все устроил так, чтобы сотрудники стояли на ногах и отдавали себя работе. Но хозяин не растерялся и провел всех в свой кабинет, в котором гордо возвышался большой письменный стол и поодаль у стен располагались аккуратные стулья. Кабинет был

просторным и светлым и производил благоприятное впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.